

УНИВЕРСАРИУМ

роман

**“Людей меняют деньги и книги.
И еще кое-что...”**

АНТОН КАРА

18+

Антон Кара
Универсариум

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кара А.

Универсариум / А. Кара — «ЛитРес: Самиздат», 2019

30-летний Эдуард может позволить себе все самое дорогое и эксклюзивное. Его финансовый успех и источники дохода для многих загадка. Однако такой образ жизни наводит на него тоску. Он открывает для себя новый мир, когда знакомится с необычным профессором, знающим ответы на все вопросы мироздания, и с Полиной, непохожей на привычных ему женщин. В которую влюбляется и которую теперь должен... убить. И каким он станет после всех открытий: просветленным или порочным? В этом романе нет положительных героев. Зато есть другие. Ищущие себя сквозь вопросы о жажде денег и свободы, о сексе и любви, о депрессии и попытках ее приглушить.

© Кара А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1	6
2	18
3	23
4	31
5	35
6	39
7	43
8	46
9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

*Посвящается Полине.
Которую я любил и убил.
Спи спокойно. Сука.*

1

Сравнимо с приятным погружением в глубину. Без мыслей о запасе воздуха на всплытие. Да оно и не планировалось... это всплытие.

Возможно, всему виной надоевшие своей однообразной канителью и, кажется, совсем уже ничем не отличавшиеся друг от друга дни. Они и помогли моим затуманенным зрачкам сфокусироваться на рекламном плакате, пока я шел к машине.

«Лекция профессора Венгрова А.Ф. Для тех, кто ищет свой путь. 15 мая в 19.00».

А возможно, всему виной женщина.

Виолетта Вишневская.

Да, да, та самая знаменитая Виолетта Вишневская, певица. Развешанные в городе плакаты с ее кокетливым образом мозолили мне глаза несколько последних недель, оповещая о ее грядущем концерте. Благо, что это событие уже позади и я удачно его избежал, и теперь эту рекламу с улыбающейся эффектной красоткой сняли со всех билбордов. Но, видимо, машинально, по инерции, я всё еще поглядывал на плакаты, выискивая ее смазливое личико. А наткнулся на: «Лекция профессора Венгрова А.Ф. Для тех, кто ищет свой путь. 15 мая в 19.00».

Я и знать не знал, кто такой этот Венгров. И не был настолько разочарован жизнью, чтобы искать новый путь. Поэтому плевать я хотел на его лекции, на его путь и на него самого.

Неизвестно, был ли этот плакат здесь еще вчера, или проветривался уже месяц, или его повесили пятнадцать минут назад. Но, прочтя рекламку, я улыбнулся. Потому что было 15 мая, без пяти минут семь и лекция должна была проходить в здании старенькой филармонии – а это через дорогу.

Я сел за руль и завел мотор.

Самый обычный вторник. Или четверг? Или другой потертый хренедельник... Меня ждут любимый диван, полбутылки вискаря и новый порнофильм. Пожалуй, этой слабосюжетной киношкой сегодня и ограничусь. А то что-то нет настроения на большой физический труд и лишнее общение.

Наверное, это будет грудастая блондинка, которая одарит меня своими ласками на мониторах очков виртуальной реальности. Или к нам присоединится губастая брюнетка, забитая готическими татуировками по всему телу. Или что там еще предложат в оплаченном мной премиум-сегменте.

Профессор Венгров, подскажи, что мне выбрать.

Я посмотрел на здание филармонии, где планировалось поведать людям о новом пути. В дверь входили мужчины и женщины, и в возрасте, и молодые. Да и наряжены все по-разному: и солидно, и как на сельскую дискотеку.

Вон та виляющая бедрами милашка, в короткой леопардовой юбке – и как она решилась на этот прикид! – все-таки разбудила во мне задремавшую мысль о том, чтобы снова вызвать девочку. Одну из моих великолепных птишек из «Романтиза» – дома терпимости для очень важных персон. Например, безумную и беспощадную Марго, с грудями-арбузами. И позволить ей выжать из меня все имеющиеся ресурсы. А может, пригласить миленькую и кроткую Сонечку и вытрясти из ее хрупкого восемнадцатилетнего тела всю школьную память?

Профессор Венгров, подскажи, кого мне выбрать.

А может, поехать в клуб «Бездна» и забрать оттуда какую-нибудь добротню размалеванную гостью со свежим маникюром и пахучими блестящими волосами? Или совершить такой же захват легкодоступной, но в образе неприступной незнакомки в клубе «Сан-Марко»? А перед этим раздавить пару бокалов с хозяином заведения Марком. Которому в свое время моментально пришлось по вкусу первая пришедшая в мою голову идея назвать клуб его именем, да еще и добавить ему святости приставкой «Сан».

Профессор Венгров, не молчи!

С такого расстояния казалось, будто в дверь филармонии входит очень даже немало симпатичных блондинок и экстравагантных брюнеток. Занятная сходка.

А почему нет? Всё равно пока пробки в городе.

* * *

Я заглушил мотор, вышел из машины, перенесся через дорогу и подошел к входу. Рядом уже никого не было. Видимо, я буду заключительным гостем этого шабаша искателей.

Проник за дверь.

Сначала короткий узкий коридор. Затем широкий холл, устланный дряблыми выцветшими коврами, выглядевшими совсем печально под приглушенным светом старенькой люстры. Тут же – пустой, нефункционирующий гардероб. Три ветхие ступеньки вниз перед двумя дверьми, ведущими в основной зал. И огромные зеркала. Возле них в основном и концентрировались пришедшие, ища подтверждения, что выглядят они достойно. Или хотя бы прилично. Или хотя бы терпимо.

Люди вели себя так, словно тут не впервые. Возможно, это их еженедельный ритуал. Странно, ведь за несколько лекций наверняка можно было уже и карту нового профессорского пути нарисовать. Масштабом один к одному.

Я старался не слишком явно озиаться по сторонам, чтобы не обнаружить, что я здесь не свой, а зашел на огонек, только чтобы поглазеть на местных красоток и найти среди них готовую продолжить тот самый неведомый путь в паре со мной. И завершить его в моей кровати.

Гости неспешно входили в зал. Я торопился еще меньше, курсируя около гардероба и присматриваясь, к какой бы округлой жопке примкнуть и сопроводить в апартаменты холостяка. Было несколько интересных экземпляров... Но я почему-то не решался. Не решался не прицепиться к какой-нибудь симпатяжке, а войти в зал. Через открытые двери я видел помещение со сценой и рядами кресел, которые с энтузиазмом заполняли слушатели. На самой сцене пока было пусто. Но именно она внушала мне необъяснимую робость перед тем, что там должно... кто там должен был появиться.

Да кто ты такой, профессор Венгров? Князь тьмы? Оживший и выбравшийся из бинтов мумификации Аменхотеп Третий? Лиса из «Колобка»?

Я пропустил в зал последнего человека, вежливо придерживая дверцу. И наконец остался в холле один.

Миг настал. Пора принимать решение.

И оно очевидно – надо валить отсюда, из этого чуждого для меня мира профессоров и вечерних студентов.

Я расслабил руку и сопроводил дверь до полного закрывания.

А это значит: любимый диван, полбутылки вискаря и... огнедышащая Марго.

Я не успел оторвать ладонь от ручки, как шумно распахнулась дверь парадного входа и в нее влетела молодая женщина чрезвычайно приятной наружности. Круглое лицо, пухлые губки, прыгающие груди.

Я невольно замер.

Нет, совершенно точно – всему виной женщина.

Черноволосая. Голубоглазая. Розовощекая.

– Началось? – раздался в пустом холле ее задорный голос.

Он качнул мои барабанные перепонки и заставил меня очнуться и осознать, что я замороженно на нее смотрю.

– Начинается, – скромно протянул я и тут же дернул ручку двери, приглашая ее войти внутрь.

Она проскользнула мимо меня в зал. Я уверенно – да, теперь уверенно! – шагнул вслед за ней. Возможно, она и есть мой путь на сегодня.

Она торопливо двигалась вперед по проходу, смотря по сторонам, видимо, отыскивая свободное место. А я просто плыл за ней. За ее аппетитной задницей, скрывающейся под подолом короткого малинового платья. За посланной мне путеводной звездой.

Несколько свободных кресел было в четвертом ряду. Около которого опаздывающая гостья остановилась и опустила крайнее сиденье. Заметив, что я следую прямо за ней, она сделала еще один шаг внутрь ряда, уступая мне выбранное ею место, и села на соседнем. Я расположился рядом, кивнув ей в знак благодарности за проявленную вежливость, но она этого уже не увидела. Она смотрела на сцену. На очень, наверное, ей интересную пустую сцену.

Я pokrutil головой. Тут человек сто двадцать.

Шуршали, кряхтели, кашляли.

Какой же путь вы здесь ищете? Неужели вы все такие потерянные?

Наконец из-за кулис вышла пожилая женщина в белом костюме, похожая на придворную даму из 18-го века. Похожая обильно напудренным лицом и смахивающей на парик прической. Не хватало разве что козырного веера.

Она громко объявила:

– Пожалуйста, присаживайтесь, лекция начнется через минуту.

И тут же скрылась цирковой лошадиной походкой обратно за занавес.

Шорох утихал.

Я боковым зрением осматривал соседку. Хорошая.

Нужно, нужно ее забирать, увозить и укладывать.

Она не похожа ни на студентку, ни на заядлую книгочейку, ни на учительницу. Года 23–24 где-то, плюс-минус. Ухоженная. Так скорее выглядят владелицы салонов красоты. Или актрисы рекламных роликов дорогих духов. Или бывшие эскортницы, назначенные на государственные должности. То есть – шикарно.

Она уж слишком увлеченно смотрела на сцену, ожидая, видимо, наиграндиознейшего представления.

Чего ты ждешь, моя радость, что здесь сейчас вдруг проедет поезд?

Пора раскрыть ей глаза на то, что самое лучшее, что может случиться в ее жизни, – это я. Но начинать надо с малого. Я повернулся к ней и спросил:

– Вы тут тоже впервые?

Она ласково взглянула на меня. Ничего не ответила. За мгновение нашего безмолвного визуального контакта я почувствовал себя малолетним глупышом. Я совершил на нее нападение залпом из пушки, а ядро просто не долетело до ее башни. По небесам ее глаз проплыли облака высокомерия. И солнце снисхождения. И радуга умиления.

В этот момент на сцене показался старец лет шестидесяти. Венгров, видать. Чисто выбрит, острый нос, густые черные брови, короткие волосы, серые из-за обильной седины.

Моя соседка поднесла указательный палец к губам и мило шикнула. Сдув все мои назойливые военные корабли подальше от ее золотых берегов. А затем вновь обратила взор на сцену.

Ну что ж. Атака сорвана, но это была всего лишь разведка. Главные войска еще даже не показывались из-за горизонта.

Старец был невысокого роста. В строгом костюме. И босиком!

Охреть – босиком!

Я на всякий случай обозрел других слушателей – для меня ли одного это необычно? Надеюсь, они хорошенько пропылесосили сцену.

– Добрый вечер, – произнес босой. – Рад вас приветствовать.

Он медленно осмотрел ряды. Легкая улыбка на лице.

– Сегодня вы здесь, – продолжал Венгров. – Это значит, что вам не всё равно.

Вот тут он неправ. Мне точно всё равно. Что бы там ни было.

– Вам не наплевать на свою жизнь. На то, какая она есть и какой она будет.

Серьезные вещи толкует. Снег белый. Вода мокрая. Белье надо менять. Ля-ля-ля... И фа-диез.

– И еще это значит, что вы верите в то, что всё будет именно так, как вы хотите. Иначе вы бы сюда не пришли.

Меня уже начала напрягать эта обстановка.

– Да! Верите!

Ну хорош уже в уши дуть.

– А вера!.. – он здорово повысил тон, – важнее всего. Вера!.. – крикнул, – ломает все преграды на вашем пути. Вера!.. – снова протрубил он. – Приведет вас к счастью.

Похоже, мне пора. Этот клуб не для меня.

Неужели это религиозное сборище? Странно, что о вере говорит не бородач в рясе, а профессор. То бишь ученый. А они, как правило, не верят ни во что, если не считать теории большого взрыва. Или Венгров какой-то испорченный?

Я начал ерзать в кресле, осматривая слушателей, попутно заглядывая в слабообзорное декольте соседки. Ничего не видно. Но выпуклость крайне многообещающая.

Если к ней обратиться сейчас, она, стопудово, даже не расслышит. Чрезмерно верующая, видимо. Ну ниче-ниче, моя радость, слушай, смотри, записывай в тетрадку, я дождусь, ой, я дождусь! Я возьму всё, что сам себе наобещал от твоего имени.

– Рад видеть много новых людей в зале.

В этот момент я интуитивно взглянул на Венгрова. Этот хрен с довольным лицом смотрел на меня. Словно распознал шпиона в своем отряде. И как бы мысленно погрозил мне пальцем. Засунь себе свой палец знаешь куда!

– Это значит, наша вера интересна людям, – завывал профессор. – Она нужна им. Нужна нам.

Да ничего мне тут даром не нужно. Если не считать прелестного тела соседки. Но его я непременно еще вкушу.

– Мне хочется обращаться к вам не как к массам, а индивидуально. И рассказывать о вере не со сцены, а в тихой дружеской беседе. Лицом к лицу. Глаза в глаза.

Его глаза в эту секунду действительно смотрели в глаза напротив – в мои.

Этот коняра до сих пор тарасился на меня! И, сука, не отводил взгляд. Я стал жалеть о том, что не поехал домой. Или откисать в какой-нибудь клубняк с друзьями. Или один. Че ты уставился, лось?

– Я хочу познакомиться с каждым из вас. И каждому из вас показать тот путь, ради которого вы сюда пришли.

Отвернись, сука!

– Ведь мы знаем, что сегодня вы к нему готовы.

Он так нервировал меня своими сверкающими глазенками, что мне захотелось врезать ему в челюсть. Вот прям размахнуться и засадить кулаком. Вот прям записаться на секцию бокса, походить полгодика, наработать технику, посмотреть подряд все фильмы про Рокки и втащить ему со всей силы по его кривой профессорской ухмылке. Взбесил!

– Вот вы, молодой человек, – Венгров вытянул руки и устремил обе ладони в мою сторону.

Суууукааа.

В этот момент сто двадцать голов повернулись, чтобы посмотреть на меня – на то чудо, которое, как они, наверное, полагали, должно было им открыться.

У меня появились какие-то неприятные ощущения в горле, в животе, в ногах, у корней волос, под носом и под ногтями. Чего ему от меня надо?

– Пожалуйста, будьте любезны, выйдите к нам, – голосом гостеприимного хозяина трепал Венгров. И указал мне рукой на сцену.

Профессор ждал. Зал ждал. И моя соседка тоже ждала.

А я чувствовал, как вдавливаюсь в кресло. Хотя на меня это не похоже. Детские страхи перед чем-либо – это не про меня. Да и дело вовсе не в страхе, а в дискомфорте. Мне не хотелось совершать никаких незапланированных поступков в угоду и к радости тех, к кому я по меньшей мере равнодушен. А этому умнику мне хотелось еще и по наглой ботанской морде настучать.

Хренушки тебе, лошадь старая!

– Боюсь, я не готов, – промямлил я и, неуверенно мотая головой, попытался улыбнуться. Вот зачем мне всё это сдалось?

Моя соседка мило смотрела на меня своими игривыми голубыми глазами. Она сказала:

– Ну что же вы? Неужели вам не интересно?

– Не настолько, – шепнул я.

– Ну пожалуйста, – она положила ладонь мне на колено, – доставьте мне удовольствие. Ничего себе заявка!

Да я готов неоднократно доставлять тебе удовольствие. Устроить тебе тур по моей постели с опцией «Всё включено». 8 дней, 7 ночей.

А еще она невероятно... светлая.

Ее голос такой чувственный. Ее лицо такое дружелюбное. И ее рука на моем колене.

Ну... если так... может, позже... А, и ладно! Что ж он, с меня туфли снимет?

Я поднялся с кресла. С показной невозмутимостью неторопливо застегнул верхнюю пуговицу пиджака. Пусть видят, что меня абсолютно никак не накаляют их местные забавы. Мне плевать с крыши небоскреба. Я круче их мудрейшего профессора. Я круче их всех. Я невообразимо крут. И с тупой улыбкой побрел в сторону Венгрова.

Людишки стали восторженно шипеть. Что ж, хотели клоуна – получите. Только под гримом может оказаться волшебник. И ожидаемое веселье не состоится.

Я быстро взобрался на сцену.

– Добрый вечер, – сказал Венгров и протянул руку.

Я поздоровался с ним. Но сразу он мою кисть не отпустил. Да еще и обхватил ее крепко двумя руками, вонзив в меня испытующий взгляд чернящих глаз. Нечего меня пугать, пугало, я сегодня в коричневых штанах.

Лектор продолжил:

– Можно узнать ваше имя?

Хорошо, что это не сектанты, у которых нет имен и различий. У этих, возможно, нет только обуви.

Может, соврать? Какая им, к хренам, разница, как меня в действительности зовут? А вдруг в зале есть знающие меня пассажиры. Тогда врать стремно. Скажу как есть.

– Эдуард.

Вот так – карты на стол.

– Зачем вы пришли сюда, Эдуард? – выплеснул босой профессор.

Похоже, все-таки придется соврать.

– Постойте, не отвечайте, – Венгров положил ладонь мне на грудь, как бы останавливая меня, обернулся в сторону зала и сказал: – Это известно и так. И мне, и каждому из вас. Потому что сегодня – тот самый день, когда вы решили что-то изменить.

Дискомфортно: все смотрят на меня, думают неизвестно что, этот странный чувак держит меня за грудь, несет какую-то ахинею.

– Сегодня – первый день остатка вашей жизни.

Древняя пословица.

В зале образовалась абсолютная тишина. Почему никто не записывает?

– И сегодня вы решили, что будете жить по-новому. Я прав, Эдуард? – Тут он вновь посмотрел на меня.

Мне ну совсем не хотелось с ним соглашаться. Не хотелось доставлять ему излишнюю радость своим активным участием в его болтовне. Не хотелось превращаться в его подопытную мышь.

Но Венгров вновь меня притормозил:

– Не отвечайте. Потому что вы еще сами не знаете, что я прав.

Ты смотри, какой он, сука, умный!

– Но я не хочу, чтобы вы подумали, что я просто умничаю. Я много прожил, много видел, много знаю. И я докажу вам, Эдуард, что знаю лучше вас и лучше каждого в этом зале, – он провел рукой по воздуху, – почему сегодня все вы здесь.

Наконец профессор убрал руку от моей груди. Я сразу почувствовал невероятное облегчение. Будто из меня вытащили окровавленный меч. С зазубренным лезвием. С подключенной к нему тысячей вольтов. Я медленно и, надеюсь, не заметно ни для кого глубоко вздохнул.

А Венгров принялся вальяжно расхаживать около меня.

– Вам кажется, Эдуард, что вы пришли сюда случайно. – Он не поднимал на меня взгляд, а говорил как будто сам с собой. – Просто потому, что у вас было свободное время и вы хотели его как-нибудь убить.

Он стал ходить вокруг меня. Чтобы голова у меня закружилась, что ли? Только не бегай.

Я прищурил глаза и чуть сжал губы, изображая внимание.

– Однако вы и сами чувствуете, что такое решение для вас нетипично.

Пожалуй, этот хмырь не беспричинно зовется профессором. Какие-то пятерки в зачетку ему поставили вполне заслуженно.

– Как вы считаете, я прав или заблуждаюсь?

Снова он задал вопрос, повергая меня в необходимость выдать какую-нибудь реакцию. Будто цирковой усач во фраке и цилиндре щелкнул хлыстом, знаменуя, что мне – дрессированному тюленю – нужно перепрыгнуть с одного помоста на другой. Но нет. Тюлень не прыгнет, а с достоинством слезет и заберется.

Я со скрежетом в голосе ответил:

– Ну... возможно, отчасти правы.

Мой отпор по содержанию получился крайне вялым.

– Значит, отчасти? – Венгров остановился и внимательно посмотрел мне в глаза, словно искал место, чтобы вбить гвоздь. – Тогда слушайте дальше. Вам тридцать лет...

Ну и что? Я и выгляжу на свои. А что ж не уточнил, что тридцать с половиной?

– Не так давно у вас появилась депрессия. Вернее, возникла она гораздо раньше, чем вы это ощутили, уже, как говорится, глядя в зеркало. Вы чувствуете, что что-то не так, но не можете это сформулировать. Словно образовалась душевная пустота, стал нечетким смысл того, что и для чего вы делаете, хотя раньше понимание этого было абсолютным как разумом, так и сердцем.

Хмм. Ну неплохо, неплохо.

– Возможно, вы пробовали заниматься самолечением, основываясь на имеющихся у вас шаблонных представлениях, как бороться с тоской. Но, не имея самого важного знания, вы не смогли найти лекарства.

Самого важного знания? Астробиофизикотригонометрия?

– Самого важного знания, – повторил он, – знания о себе.

Да я великолепно владею знанием о себе. Или речь идет не об онанизме?

– Однако будучи в этом непросвещенным, вы просто заменили одни ваши условные радости и удовольствия на другие, но по сути ничем не отличающиеся от прежних. Поэтому подобные методы и не сработали. И не сработают! И вы рискуете завязнуть в этом порочном круге.

Не уверен, все ли слова я сейчас понял.

– Ваша работа, ваша высокооплачиваемая работа вам прилично наскучила. Вернее, у вас не работа, а собственный бизнес. Вы сами хозяин своего дела. И вы уже не получаете удовольствия от общения с партнерами и подчиненными, а у вас однозначно имеется штат подчиненных.

На мне все шмотки брендовые – ясное дело, что много зарабатываю. Не то, что его костюмчик, который он носит еще со школьного выпускного. Видел бы он мою машину. А про бизнес... Сейчас почти все – предприниматели. Да и насчет подчиненных – тоже несерьезная догадка.

– Ваши друзья, – Венгров продолжал изобиловать громогласными выдержками из воображаемого им моего досье, – точнее, люди, с которыми вы общаетесь повседневно и проводите время, связаны с вами только бизнесом. Либо иными финансовыми взаимоотношениями.

Да почему? А хотя...

– Возможно, вы никогда не задумывались, но я открою вам, всех этих так называемых друзей, коими вы их считаете, и вообще всех людей из вашего окружения интересует только, сколько вы зарабатываете, сколько денег имеете и на какой машине катаетесь. И худшее в этом то, что они вам завидуют. И никакой не белой, как принято считать, непорочной завистью, а той самой, черной, колющей завистью. Они хотят иметь ваши деньги, Эдуард. Они даже хотят вашу машину. Впрочем, их вполне устроит, чтобы просто всего этого не было у вас, чтобы они почувствовали себя лучше.

По-моему, это уже похоже на грубость.

Профессор замолчал. Его лицо обрело задумчивый вид. Видимо, список его знаний обо мне закончился. Наверное, он искал, что бы еще такого невероятного ляпнуть, но пока сочинить ничего не получалось. Хотя, сучонок, говорил всё как есть. Неужели это и впрямь написано у меня на лице?

Венгров произнес:

– Я знаю, о чем вы думаете, Эдуард.

Надо же – и мысли мои читает? Вот это уже действительно космос. Вот это уже в натуре молодец. А ну-ка! Жили-были, умерли-бумерли. Повтори это – и я нареку тебя Мастером.

Он сказал:

– Вы думаете, что сделали себя сами. Что достигли таких высот благодаря вашим неординарным способностям. Вы думаете, что имеете всё. Что получите всё, чего захотите. Вы думаете, что этот мир принадлежит вам.

А старик и в самом деле молоток. Вот эти последние слова достаточно точно заряжены. Прямо первая статья моей внутренней конституции.

– Но это не так.

Не так?

– Не так! – звонко повторил он, вероятно, достигнув кульминационной части своего разоблачительного монолога в роли Шерлока Холмса.

А что дальше? Открытый финал или драма только в разгаре?

Профессор продолжил:

– Вы думаете, что тот безумно дорогой автомобиль, на котором вы ездите и ключи от которого так наигранно безразлично всем демонстрируете, принадлежит вам?

Твою мать, а кому же еще?!

– Нет, Эдуард. Это самое большое ваше заблуждение.

Тут Венгров сделал многозначительную паузу, во время которой осмотрел зал, раздавая при этом всем своим загадочным и довольным видом виртуальную барабанную дробь, проникающую в уши каждого здешнего зрителя, предвкушающего неожиданную развязку в столь лихо закрученном сюжете.

И он, вновь обратившись ко мне, громыхнул:

– Это вы принадлежите ему.

Вот так финал! Прямо гений детектива, сука.

В зале появились какие-то шушукалки.

– В тот самый момент, когда вы еще в магазине, или, как он зовется, в автосалоне, осматривали блестящие линии нового автомобиля, его гипнотический логотип, красивые кнопки, дорогие материалы оформления и другие модные штуки, вы уже стали ему отдаваться. Он внушил вам, что в вас есть ущербность, что в вас есть дыра, которую вы можете заполнить только им, чтобы стать полноценным. Он приобрел вас. Именно за ту цену, которую вы за него заплатили.

Ну что ж, тогда он приобрел меня не задешево.

– То же самое относится и к другим вашим вещам: и мебели, и оргтехнике, и одежде. Вам важно, чтобы на вашей рубашке было написано имя известного портного, или, как он красиво зовется, модельера, иначе она на вас будет плохо сидеть.

Собака сутулая. Начинает лезть туда, куда я не люблю никого пускать. В мой гардероб.

– Ведь вами манипулируют, – горланил профессор. – Такие же, как и вы бизнесмены, только стоящие на ступень выше. Они из вас, из всех нас делают потребителей. Это их основная цель – они борются с непотреблением, как с чумой. Они превращают нас в туземцев, которым предлагают сверкающие стеклышки в обмен на золото. И мы бросаемся на эти пустышки, принимая их за ценность. Веря, что они сделают нас красивее, привлекательнее и, что самое важное, счастливее. Но нет. Счастья они не принесут.

Да, да, не в деньгах счастье, я слышан. Правда, говорят это лишь те, у кого их много, и те, кто сожалением понимает, что никогда не сумеет их заработать.

– Даже когда вы все-таки купили желаемый продукт, желание которого вам было навязано, и стали наконец довольны, и всю наслаждаетесь этим владением, манипуляторы идут на хитрость, они выпускают новый или даже аналогичный продукт с какими-то псевдореволюционными новшествами. Что делает уже приобретенный вами товар старым. Появление в мире новой вещи делает вашу вещь старой и немодной. Вы, находясь под их воздействием, проецируете эти качества на себя. Ведь вы теперь – обладатель старой, то есть недостойной вещи. Это давит на вашу самооценку, на боязнь негативного оценивания вас окружающими. И в вас возбуждается мысль о необходимости приобретения новой вещи, чтобы соответствовать.

Вот же голова. Раскрыл заговор производителей и маркетологов.

Снова короткая пауза.

И теперь голосом шекспировского страдальца:

– Соответствовать кому?! Кто изобрел и ввел эти модели, к которым якобы необходимо стремиться? А судьи кто? – прокричал Венгров. – Они? Они обычные охотники за деньгами. За вашими, – бросил в зал, – деньгами.

Он задержал свой взор, обращенный в темноту публики, как бы превращая и гостей в терпящих бедствие персонажей его пьесы.

А потом сказал мне:

– Вы предприниматель, Эдуард. И считаете себя великим искусником в добывании денег. Великим охотником. Но это не так.

Как? Снова не так? Опять подловил меня, старый пес.

– А на самом деле вы такой же, как большинство, обычный узник в этом замкнутом круге потребления. Вы не охотник, вы – дичь.

Вновь что-то зашипело в рядах кресел.

– Вы зависите от всех этих материальных ценностей, которыми себя окружили. Вы превратили свою жизнь в поклонение им. Вы культивируете извлечение дохода как религию. Вы оторвались от настоящей жизни, Эдуард. Вы этого не осознаете, но очень сильно чувствуете. Именно это явилось причиной вашей депрессии. Теперь я прав?

Я был слегка расстроен. Из-за того, что какой-то напыщенный, прущийся сам от себя умник прямо сейчас опустил меня перед кучей людей. Пусть и тех, на которых мне плевать. Всё равно неприятно.

И поэтому отвечать на его тупые вопросы я не хотел. Но жаждал огрызнуться в ответ. Хотя в этом и не было острой необходимости – я не имел желания веселить публику. Поэтому решил обороняться вежливо. Я задал вопрос ему:

– А что, по-вашему, настоящая жизнь?

Давай, профессор, отвечай.

– Настоящая жизнь – это когда вам есть кого любить, – не замедлил Венгров.

Весь зал превратился в шептунов. Бу-бу-бу, му-му-му. Вурдалаки.

– Мне есть кого любить, – оправдался я.

Босые ноги шагнули ко мне. Профессор приблизился вплотную и манерно прожужжал мне в ухо:

– Не обманывай себя.

А потом сказал громко:

– Присаживайтесь, Эдуард. Мы благодарим вас.

Зал зааплодировал. Представление окончено. Клоун под хохот толпы сброшен в яму с помоями.

Я секунду понаблюдал за людьми. Черти. И двинулся к своему креслу.

А там меня встречало радостное лицо моей соседки.

– Да вы настоящий герой, – заулыбалась она.

– Вы так считаете?

– Конечно. Когда он рассказал мне всю мою подноготную, меня всю трясло. Он удивительный человек.

– И давно вы в этом... клубе?

– Это пятая лекция, – мурлыкнула она. – Они каждый раз в меня вдувают новую свободу.

Я в тебя тоже вдул бы с удовольствием.

Этот театральный профессорский треп, как ни крути, всё же подпортил мое самоощущение. Мне очень хотелось уйти и стереть из памяти эту странную лекцию и этого ублюдского лектора. Но и раскатать сидящую рядом смазливую лапушку тоже было необходимо.

Всё ее внимание вновь ушло на сцену. Ожидаемо.

Потерплю еще чуток.

– Гонка за деньгами, за новыми деньгами, за материальными ценностями, – разглагольствовал Венгров, – не приведет вас к счастью. Это погоня за поездом, идущим по кольцевой железной дороге. И единственный путь обрести покой – это выбраться из круга. Вырвать из себя насильно привитую вам тягу обладать ценностями, которые вам не нужны, которые на самом деле не делают вас лучше.

Я ждал, что сейчас он предложит отдавать всё имущество ему, а он, уж конечно, направит его на доброе дело.

Или сказка не про это?

– Мы познакомились с Эдуардом, – произнес лектор, медленно топая по сцене голыми ступнями.

Он уже не глядел на меня, а направлял свои речи в зал, неопределенному слушателю, которому только что рассказал о редком и загадочном существе по имени Эдуард. Да, да, дети,

это был Эдуард. Держитесь подальше от денег, а то станете такими же, как он. А теперь посмотрите на этот плакат: вот мозг и легкие обычного человека, а вот мозг и легкие Эдуарда. Какой ужас, правда, дети? Да вы и сами всё видите.

– Что же явилось причиной его депрессии? Что может повергнуть в тоску человека, имеющего возможность купить всё, что он пожелает?

Надеюсь, это не риторический вопрос. Потому что вот сейчас мне тоже очень интересно, продолжай.

– А я вам отвечу, – сказал профессор. – Эта депрессия явилась последствием осознания собственной общности. Несмотря на все усилия, вычурные поступки, купание в роскоши, не оправданные необходимостью траты денег не делают вас особенным, не делают вас уникальным. Вы понимаете, – он постучал указательным пальцем по виску, – что это всё выделяет вас не больше, чем разноцветный аляповатый костюм на каком-нибудь официальном собрании. Потому что без костюма вы просто обычный человек, почти не отличающийся от других людей. Вот это и печалит вас. Вы самый обыкновенный человек. Пусть даже имеющий в кармане на несколько золотых монет больше, чем у большинства.

Я замечал, что на меня постоянно кто-то смотрит. Не один человек. Слушатели то и дело бросали на меня свои важные осуждающие и сочувствующие взоры. Всё никак не могли забыть мой триумф на сцене. Или они считали, что речь их кумира всё еще идет обо мне, и следили за тем, чтобы я внимательно слушал и наматывал на ус, тем самым как бы дополнительно наставляя, чтобы я обязательно прекратил такое похабное и приводящее к хандре занятие, как успешный бизнес.

– Даже огромные деньги не сделают вашу личность уникальной. Они не помогут вам понять, кто вы есть. Не приведут вас к самому важному знанию – знанию о себе. Наоборот. Они еще глубже спрячут от вас непознанные участки вашей души. Которые как слабые ростки пытаются взойти, но не могут пробиться сквозь те привычные модели вашего поведения и мышления, навязанные и навязываемые вам обществом слой за слоем в течение всей вашей жизни. В результате вы, не пытаясь познать себя истинного, продолжили двигаться и расти по этим моделям, как по колее.

Пока он говорил, я повернул голову в сторону соседки. В надежде, что она заметит мои манипуляции черепом и тоже взглянет на меня. И мы могли бы мимолетно улыбнуться друг другу. Обменяться какими-нибудь забавными комментариями происходящего. Я бы осторожно убрал ресничку с ее щеки. Она бы меня поцеловала. Я бы положил руку ей на грудь... Но нет. Она навстречу моим порывам не дернулась. Она сосредоточенно слушала лекцию профессора Венгрова А.Ф. 15 мая в 19.00.

– Пересмотрите ваше окружение, – вещал старик со сцены. – Не позволяйте, чтобы в нем, а тем более среди людей, которых вы считаете друзьями, были завистники, чтобы среди них были те, общение с кем вытягивает из вас энергию. Будьте рядом с теми, с кем вы чувствуете себя уютно, комфортно, с теми, кто видит в вас интересную и необычную личность, именно в вас, а не в ваших деньгах, в вашей должности, в вашей популярности, в ином вашем социальном статусе.

Выходит, мои контакты должны сократиться до порноактрис, пленяющих меня с мониторов? Ну эти-то меня еще ни разу не обидели.

– Лекарство от депрессии одно. Загляните в себя, загляните в глубину вашего сердца. Отыщите те самые затоптанные зеленые росточки вашей души. Рассмотрите их, полейте их, дайте им воздуха и солнца.

Да что за метафоры? Не пойму ни хрена. Говори толком.

– Вспомните, наверняка вы часто замечали за собой, что вам хочется чего-нибудь эдакого съесть, но не знаете, чего именно. В этом случае вы утоляете неопределенный голод, просто заедая его чем-то сладким, то есть углеводами, а вовсе не белком, который, например, в

действительности запросил у вас ваш организм, посылая сигнал в мозг. И его удовлетворение тогда будет неполноценным и краткосрочным. Голод вернется. Так же и с потребностями души. Прислушайтесь к себе. Займитесь тем, на что ваша рассудительность не позволяла вам тратить время, потому что якобы было множество других важных дел и так далее. Возможно, вам всегда хотелось научиться играть на пианино или на гитаре. Возможно, у вас хорошо получается рисовать. Возможно, вы хотите заняться танцами, или каким-нибудь спортом, или йогой. А может быть, вы давно мечтаете написать книгу и вылить в ней свою правду или свои фантазии.

Я давно хочу заняться сексом. Очень давно – уже больше часа. С сидящей рядышком красоткой. И вылить на нее свои фантазии.

– Познавайте себя. Ищите себя в себе. Вытаскивайте себя наружу. Давайте себе волю, – Венгров интенсивно размахивал руками. – У вас осталось не так много времени. Помните, сегодня первый день остатка вашей жизни. Сегодня – это всегда самый важный день.

Это правда. Сегодня самый важный вторник. Или четверг? Или другой очень важный хренедельник.

– Я хочу рассказать вам одну историю. Вы можете подумать, что это притча, но на самом деле это из жизни.

Ага, конечно. Вот прямо сегодня это с тобой и происходило. Сразу после утреннего туалета.

– Не так далеко отсюда есть деревушка, рядом с которой расположено красивое озеро. В деревне много лет живет мужчина, он рыбак. Каждый день он выходит к озеру и ловит там рыбу. Затем он продает свой улов одному торговцу, а на вырученные небольшие деньги приобретает еду, которой он и его супруга питаются ближайший день. Вечером они покупают бутылочку вина и, сидя у озера, наслаждаются окружающей их красотой и уютом природы. И так каждый день. Они счастливы.

Венгров остановился. Он величественно свел пальцы на уровне груди.

Честно говоря, я слышал рассказы и поинтереснее.

– Это не вся история, – пробурчал профессор. – Тот самый торговец рассказал об озере хозяину ресторана, в который он перепродавал пойманную рыбаком рыбу. А хозяин ресторана, хвастаясь свежестью приготавливаемой его поварами рыбы, поведал об озере очень богатому гостю, трапезничавшему в этом ресторане вместе... с вашим покорным слугой.

Я сейчас хохотну. Ну ведь смешно же!

– Мы с моим другом решили взглянуть на это озеро, куда и отправились. Так вот, мой друг, как я уже сказал, состоятельный человек, проводивший всё свое время на протяжении долгих, долгих лет в стрессе, связанном с зарабатыванием и сохранением заработанных денег, был в высшей степени очарован великолепием озера и приозерных мест. И он сказал мне в откровенной беседе, что всю свою жизнь, всю молодость он потратил на то, чтобы позволить себе через пару лет, когда он оставит свои дела и уйдет на покой, переехать с женой в небольшой домик рядом с таким озером, чтобы каждый день ловить там рыбу и, попивая вино, любоваться закатом, и тогда он наконец станет счастливым.

В воздух стали вбрасываться различные звуковые реакции впечатленных рассказом слушателей. Кто-то охнул, кто-то укнул, кто-то пукнул. В целом по рядам прошла довольно трогательная волна.

– Стоит ли мне разъяснять мораль этой истории? – с веселым лицом бросил Венгров.

Мораль сей басни такова: был он один, а станет два.

– Ведь она очевидна, – продолжал лектор. – Не нужно преодолевать фантомные барьеры, для того чтобы прийти к счастью.

Я снова покосился на соседку. Ну же, посмотри на меня. Улыбнись мне. Положи ладошку мне на колено.

Нет, от нее, по всей видимости, ждать чего-то не стоит. Нужно наступать самому.

Я наклонил к ней голову и сказал:

– Интересная притча.

– Вы думаете, это притча? – она подняла брови.

Вот – это уже диалог.

– Думаю, да, – ответил я. – Разве он рассказывает ее впервые?

Но она вновь наградила меня странным молчанием вместо ответа и взглянула на наручные часы.

Ты чего такая тугая?

А профессор в это время говорил:

– Сбросьте с себя искаженные представления о счастье, о пути к нему только через материальное благополучие. Счастье – это не какой-то ресурс, который необходимо добывать больше, чем другие, пока он не исчерпался. Для каждого оно разное, потому что все мы разные. Его хватит на всех.

Моя соседка прошептала:

– К сожалению, мне пора, – и задержала на мне милый взгляд.

Ну нет. Так тупо я тебя не отпущу.

– Можно и мне с вами незаметно выскочить? – забросил я.

– Бойтесь привлечь к себе внимание?

– Ну, на сегодня хватит, я думаю.

Мы вдвоем встали и тихонько пошли к выходу. Я даже не пытался смотреть в сторону Венгрова. Но слышал его слова. Они летели мне вдогонку, как копья племени индейцев в удирающего ковбоя, случайно забредшего во вражескую деревню.

– Счастье – всегда сегодня, – голосил босой старик со сцены. – Не потом. Не через годы. Не после того, как вы достигнете поставленных целей. Оно всегда только сегодня. А сегодня – первый день остатка вашей жизни.

2

Я молча плелся за ее пританцовывающими при ходьбе булочками.

Ну и жопка. Загляденье.

Я буду следовать за ней хоть через всю улицу. Хоть через весь город. Через реки, через степи, через горы. Моя округлая путеводная звезда. Я угроблю ракету, но достану ее с неба.

Оказавшись на улице, я, не дожидаясь неловких пауз при расставании, бодро заявил:

– Вам далеко? Разрешите вас подвезти.

И зачем я спросил, далеко ли ей? Она может вне зависимости от дальности до пункта назначения сказать, что ей нужно всего лишь за угол завернуть. Тогда вызовусь ее провожать, чтоб не пристали хулиганы.

Но она кокетливо произнесла:

– Слышала, у вас отличный автомобиль, – и захихикала.

Как же чудесно она смеется. Какая беспощадная улыбка. Какие огненные губы. Они нужны мне. Нужны мне!

Я тоже улыбнулся.

Сейчас самое время для официального знакомства.

– Меня Эдуард зовут. Но и это вы уже слышали.

– Полина.

Стыдно признаться, но Полины у меня еще не было. Были разные: и с простыми, и с экзотическими именами – от Абеллы до Яхи. Но Полину вот знать не приходилось. И это делало ее еще больше для меня необыкновенной.

– Тогда сюда, – я махнул рукой, указывая на другую сторону улицы.

Она назвала адрес, и мы двинулись к моему глянцево-танку, которым, как стало известно из прослушанной только что лекции, мне нельзя хвастаться. Ни им, ни ключами от него. А я и не кичусь, я просто на нем езжу. Потому что он на колесах, а у меня есть водительские права.

Да, детка, вон тот выделяющийся из всех, сияющий в свете софитов вечернего города космический аппарат – мой.

Когда в ответ на мое приближение на машине зажглись передние фары, Полина на мгновение сбавила шаг и сделала впечатленное лицо.

– Знаете, я таких красивых автомобилей даже и не видела никогда.

Она другая. Это видно. Ей не вскружить голову крутой тачкой или денег пачкой. Ведь она посещает и с открытым ртом слушает антибогатственные профессорские лекции. Поэтому я был уверен, что в ней сейчас говорит не восторг, а простая вежливость.

– Мне приятно, что вам нравится, – я открыл перед ней дверь. – Прошу.

Все ее движения казались мне по-королевски элегантными: и подача мне руки для опоры, и проглаживание сверху вниз себя по попе для фиксации платья, и забрасывание ноги на коврик перед пассажирским сиденьем, и затягивание в салон второй ноги. У нее просто очаровательная биомеханика. Я жажду лицезреть все возможности ее грациозного тела.

Погнали.

В машине моя пассажирка вела себя скромно и молчала. И это похвально, это – воспитание. Поэтому хоть как-то завести разговор попытался я. Тем более это было необходимо, чтобы оправданно поворачивать голову и рассматривать ее изящные черты и формы.

– Почему вы ходите на эти лекции?

– Я хожу не только на лекции, – отозвалась она. – Профессор дает знания о том, чему не учат в школе. Открывает возможность взглянуть по-новому на привычные вещи, взглянуть не через шаблонные призмы, а в самую суть.

Полина заметила мою добродушную улыбку – надеюсь, у меня получилось сделать ее добродушной, – и удивленно спросила:

– Что? Разве я что-то смешное сказала?

– Нет, нет, – оправдывался я, – просто вы так интересно говорите, у вас такая поставленная речь, это очень необычно, мне нравится.

– А вы ждали, что я буду использовать нецензурную лексику? – А вот у нее хорошо получалась добродушная улыбка.

– Из ваших уст и она бы звучала приятно.

Непонятно, получился ли комплимент? Да и нужен ли он был? По ее лицу этого никак не выяснить. По ее лицу... хотелось проехать языком.

– Это неудивительно, что в школе такого не услышишь. У меня в школе не было учителя философии.

– Профессор не философ. Он физик. Доктор физико-математических наук. И всё, что он говорит, он преподносит не как какие-то беспочвенные теории, а как точные научные догмы. Этому нигде не учат.

Смотрите-ка, доказал, что деньги – зло, точно так же, как дважды два – четыре. Звоните в Нобелевский комитет.

– Вы сказали, ходите не только на лекции, да?

– Угу.

– А что, в конце семестра ему надо сдавать экзамен? – усмехнулся я.

– Нет, дело не в этом. – А ее не так-то просто рассмешить. То ли шутки у меня выходят плоские, то ли у нее чувство юмора развито не так, как интеллект или грудь. – У профессора есть особняк на краю города. Уверена, вы видели его, очень заметное, красивое здание. Так вот, в этом доме и происходит основное общение.

Я знаю все красивые особняки в городе. Только не могу ни один из них вспомнить в связи с каким-либо профессором. Они все принадлежат либо бизнесменам, либо знаменитостям, либо чиновникам.

– Общение? Между кем?

– Между теми, кто разделяет его взгляды, кому он открыл глаза.

– Даже не могу представить, – протараторил я. – На что это похоже, на съезд библиотечарей, где обсуждаются книжные новинки и читаются вслух главы из классики, или на то, как ученики 11-го «Г» навестили любимого учителя через десять лет после выпускного?

– На всё вместе, – ответила она.

– Если вы встречаетесь в его доме, для чего тогда лекции?

– Чтобы рассказать о силе веры как можно большему количеству людей, пребывающему без надежды.

– То есть реклама?

– Можно сказать, реклама, если это слово для вас приемлемее. Профессор говорит, что если хотя бы один человек из тысячи слушателей прозреет, то он делает это не зря.

– А вы, я так понимаю, прозрели? Или только один глаз приоткрыли?

Ну же, улыбайся, смейся, хохочи, веселись.

– Я изменилась радикально. Я живу иначе, не так, как прежде. Я другой человек теперь.

Ой, такого пуху на себя накинула! А раньше ты была немой зачуханкой с лексиконом в тридцать слов? Тоже мне, клуб эрудированных и загадочных.

– Вы можете помочь мне? – произнес я с умным видом. Надеюсь, у меня получилось сделать его умным. – Я так и не понял основную мысль, которой учит Венгров. И эта вера? Во что? Или в кого?

– Вера? В человека. – Ее вид был значительно умнее моего. – В то, что человек сам руководит своей судьбой. И гораздо больше, чем думает. У нас есть все инструменты для этого.

У меня есть инструмент для тебя.

Мой взгляд упал на ее острые коленки. Скользнул по волнительным бедрам. И растворился под подолом платья, запуская эротическое воображение. Пфффф.

Я всё никак не мог переключить наш разговор с темы лекции на тему «Посмотри, какой я классный». Надо, надо.

– А почему он ко мне так привязался? – звонко прыснул я. – Сделал из меня какой-то наглядный объект. Почему я?

– Думаю, по вашему презентабельному внешнему виду он определил ваш немалый достаток. И я теперь... – она покрутила головой, демонстрируя, что оглядывает салон, – убедилась, что он не ошибся.

У тебя еще будет возможность детально рассмотреть здесь интерьер. Особенно потолок.

– Поэтому на вас он и сделал такой акцент на зависимость от материального мира, только чтобы показать значимость духовного. Который многократно превосходит мир вещей для обретения внутренней гармонии.

Да ей бы самой проповеди читать. Кажется, чересчур широко прозрела. А ну-ка, третьего глаза нет?.. Нет, глаза у нее потрясающие. Глаза – океаны. Глаза – небеса. Глаза – туманности Андромеды.

– Ведь он всё верно рассказал о вас? – спросила Полина.

Я ничего не ответил. Ага – не одна ты умеешь умного молчуна включать. На – пожуй.

Но она не ждала моего ответа долго. Она и так его знала. И тут же проверещала:

– Мне очень понравилась сегодняшняя лекция. И конечно, ваше участие в ней, – улыбочка. – Особенно меня впечатлила история о рыбаке.

– А, притча.

– Вас разве она не тронула?

– Знаете, – я увел взгляд вперед – в слезку за дорогой, – мне кажется, что эти истории сочиняются для бедных. Они позволяют оправдать невозможность зарабатывания денег для комфортной жизни и подменяют это догмами о том, что и без этого можно жить, и вполне себе счастливо.

Я говорил неспешно и старался соответствовать ей содержанием своей речи. Даже удалось успешно вставить в разговор позаимствованное у нее слово «догма».

– Конечно, я признаю, что и многие богатые люди несчастливы, – продолжил я. – Но несчастливы хотя бы не из-за голода. Понимаете, о чем я?

Разумеется, она всё понимала. Ведь у нее коэффициент интеллекта, должно быть, под 200 – такая не особо нужная, но всё же входящая в комплект опция наряду с такими чрезвычайно важными ее характеристиками как рост, примерно 170 см, окружность талии, где-то 65 см, размер бюста, полагаю, третий... с половиной даже, пожалуй, и... и... по 5 пальцев на каждой руке. Просто отличный образец.

– Да, понимаю, – сказала Полина. – Вы, должно быть, имеете в виду модную пословицу, что лучше плакать в собственном автомобиле, чем в маршрутке?

В моем автомобиле еще никому не было грустно.

Я бросил на нее вдумчивый взгляд, а она смотрела на меня с теплотой. С проникающей в сердце и обескураживающей теплотой. И я не придумал, что сказать в ответ.

А вот на тебе еще порцию моего загадочного молчания! Ты ведь умная – расшифруешь.

Но она вновь не стала затягивать паузу. И сказала:

– А каково вам в таком автомобиле?

Охрененно: шумоизоляция идеальная и ямы проглатываются в ноль.

– Что вы имеете в виду?

– Каково вам живется, имея огромный счет в банке, роскошную машину, дорогие костюмы?

Ну вот опять кто-то без спроса, без стыда и без мыла лезет в мой гардероб. Не комната – а проходной двор какой-то! Это мои вещи! И я их ношу по одной глобальной причине – они мне идут.

– Вы, случайно, не из налоговой? – молотнул я.

И наконец она засмеялась.

И всё сразу засияло. Луна стала больше. Кометы разлетались в стороны. И птички, начирикая «Оду к радости» Бетховена, вили гнезда в ее длинных черных волосах.

– Нет, не из налоговой, – весело протянула она. – Не отвечайте, если не хотите. У меня не было мысли вас смутить.

Тебе меня не смутить.

Я вновь уставился на дорогу. Надо сказать что-нибудь философское в противовес всем их высоконравственным доводам. И я изрек:

– На мой взгляд, деньги – это не самоцель, это средство, это ключи, которые позволяют открывать двери. Они устраняют все лишние препятствия на пути к самореализации.

Ну что, удовлетворил?

Оказалось, что нет.

– Я спросила, *что* деньги лично для вас, – заметила Полина.

– Но я ведь и говорил о себе.

– Думаю, что вы лукавите.

Хмм?

– Как же вы используете эти возможности? – добавила она. – Как вы самореализовались? Купили этот автомобиль?

Ничего себе удар, детка! Ниже пояса. С длинного разбега. Кирзовым сапогом.

Пока я несколько секунд корчился от боли уязвленного собственного достоинства, не соображая, чем мне парировать, она сказала:

– Остановите, пожалуйста, вот здесь.

И я припарковался.

Она тут же дернула за ручку и приоткрыла дверь. Лишив меня и мыслей о том, чтобы выскочить и отворить ей дверцу снаружи.

– Спасибо огромное, Эдуард. Рада была познакомиться.

Да погоди ты! Это ведь еще не конец.

– Взаимно. С вами очень интересно. Я бы хотел пообщаться с вами еще. Могу я вам позвонить? – выдавил смущенно я.

Да что со мной? Где моя крутость? Где мои яйца? Скатились под сиденье?

– К сожалению, я очень занята. Боюсь, у меня не будет времени на телефонные разговоры. До свидания. – Всё деликатно, всё по этикету.

Значит, номер телефона ты мне не оставишь.

Она открыла дверь шире и вышла на улицу.

Доктор, проснитесь, мы ее теряем!

Я быстро выскочил из машины... Зачем? Поздно уже ей дверь открывать. Не бежать же за ней вдогонку и ползти, уцепившись за ногу.

– Полина!

Обернулась. И взглянула на мое, должно быть, в край растерянное лицо.

– Я правда очень хотел бы увидеться с вами еще.

Ну и маневр. Как на спущенных шинах. Стыдобище.

Она сказала:

– Если вы будете этого действительно сильно желать, ваши внутренние силы приведут вас ко мне.

Возможно, на их языке это значит – я дам тебе в следующий раз.

И направилась в тени дворов многоэтажек.

А я всё не мог оторвать глаза от уплывающей вдаль моей путеводной звезды, скрытой под покровом короткого малинового платья.

3

После таких бурных волнений моего воображения лечь спать, спокойно закрыв глазки и баиньки, было совершенно невозможно. Мне необходимо было выплеснуть некоторые скопления эмоций. И выплесну я их вместе с упругой Марго. Возможно даже, ей на лицо.

Я достал телефон и позвонил в «Романтиз».

– Добрый вечер, Эдуард, – донесся из трубки приятный голос женщины, именующей себя Розой, которую я никогда не видел, но слышал уже множество раз.

– Добрый, Роза. Как успехи?

– Наш успех – это ваше удовольствие.

Отличный слоган. Пожалуй, возьму на заметку.

– Желаете рандеву? – спросила она.

– Ах, Роза, ты снова меня раскусила. А сегодня это возможно?

– Для вас, Эдуард, мы достанем звезду с неба.

Надо бы взять ее в свой штат и дать должность менеджера по работе с клиентами. Талантливый кадр будет.

– Вы желаете встретиться с Маргаритой или с Софьей?

– Роза, – отрезал я, – а вы можете по секрету поделиться со мной конфиденциальной информацией?

– Сделаю, что смогу. О чем идет речь?

– Что они обо мне говорят?

Молчание в трубке.

– Марго и Сонечка, – добавил я, – что-нибудь говорили обо мне? Делились, нравится ли им со мной или нет?

– Я уверена, Эдуард, что они на пике счастья, что у них есть вы. И это касается всех сторон ваших взаимоотношений.

– Роза, Роза, ты такая милая. Слушал бы тебя и слушал.

– Эдуард, я говорю абсолютно искренне и со знанием дела. Думаю, они сами себе завидуют.

Черт возьми, я в этом убежден!

Просто мне вдруг захотелось удостовериться, что и Роза это знает.

– Будь добра, пригласи Марго.

– Хорошо, Эдуард. Через несколько минут я отправлю вам сообщение. Приятного свидания.

Секс заказан.

Пожалуй, дерну дома вискаря перед сеансом, чтобы смыть с себя неприятно прилипшую к коже лекцию профессора Венгрова.

Зачем вы пришли сюда, Эдуард? Постойте, не отвечайте. Вы решили что-то изменить, Эдуард? Постойте, не отвечайте. Для вас такое решение нетипично, Эдуард? Постойте, не отвечайте. Вы всё равно ничего о себе не знаете. А я знаю. Ведь я читаю ваши мысли, Эдуард. И там всё неправильно. Я прав, Эдуард? Я прав? Я прав? Я прав? Сука.

Нет, полбутылочки, ждущие меня на журнальном столике, будет недостаточно. Придется хорошенько потереть спиртом полученное образование о новом пути, чтобы свести его со всех карт.

* * *

Медленно катясь домой мимо клуба «Сан-Марко», я увидел припаркованные возле заведения «порше» хозяина и Серегину «бэxu». А вот этого засранца я почти месяц не видел. Вернулся, видать, из отпуска. Он мне поможет тряхнуть мозгом.

На телефоне появилось уведомление: «Маргарита прибудет к полуночи». Буду ждать с нетерпением.

– Добрый вечер, Эдуард Валентинович, – встретил меня шуплый администратор. – Вам приготовить отдельный столик или вы присоединитесь к Сергею Алексеевичу? Он здесь.

– А Марк в зале?

– Нет, Марк Трофимович у себя в кабинете.

Я поднялся на второй этаж и без стука вошел в дальнюю дверь.

– Привет, Марко Поло. Че спрятался тут от всех?

– О, Эдуардо, здорово, – поприветствовал меня тонорукий 29-летний мужчина с придурковатыми светлыми усиками и бородкой, носимыми им, думаю, не как дань моде, а в обозначение своей слабо видимой мужественности.

Он сидел за огромным дубовым столом, изготовленным, по его словам, в 19-м веке каким-то итальянцем, в черном кожаном кресле со встроенными динамиками и электроприводом спинки, сиденья и подставки для ног. На столе перед ним располагался электронный планшет, от клаяния по которому я его отвлек своим приходом.

– Я не прячусь, я работаю работу на работе, – сказал он с деловитым видом.

– Ой, да ладно! Мне-то не надо втирать, – мы резво хлопнули по рукам, и я уселся в кресло напротив. – Работа у него, бухать да официанток трахать.

– Хе-хе. Женишься – поймешь, что в этом и есть счастье. Ха-ха-ха.

Еще один специалист по достижению счастья. Хотя к рецептам этого проповедника я отношусь с большим доверием.

А может, он в теме. Спрошу.

– Кстати, скажи мне, ты что-нибудь слышал про Венгрова?

Он задумался на пару секунд.

– Я слышал про венгров, что они делают отличное порно. Ха-ха-ха, – мой друг радостно забил ладонью по столу. А когда успокоился, взглянул на мой скучающий вид и пробурчал: – Нет, Эдди, не слышал. А кто это?

– Вроде...

– Ты ведь придешь в воскресенье? – перебил он меня почти визгом. – Ты помнишь? Помнишь?

– Танцовщицы те?

– Да какие танцовщицы! – он вскочил с кресла. – Танцовщицы – это вон, в зале, «го-го» танцуют. Пойди по жоппе тресни. А это крутейший шоу-балет. У них туры по всему миру. Они тут в клубе такую программу закатят, хы-хы-хы, – его улыбка переросла в кривой оскал, а возбуждение в глазах сменилось безумием, – все попадают, вот увидишь.

– Понятно, – фыркнул я. – Танцовщицы. Стриптиз будет?

– Да какой, на хрен, стриптиз! Ты слышишь, что я тебе говорю? Они примы все, не телки деревенские. Ты им еще сто баксов в трусы засунь. А ты такой, что и засунешь.

А я и засуну. Пятьдесят.

Он подошел к шкафу, извлек оттуда клетчатый синий пиджак от костюма, влез в него и весело протянул:

– Но танцульками своими они зажгут. Перчинка будет сумасшедшая.

– Выпьешь со мной?

– Не, я домой, уже бежать надо. А ты оставайся. Сергиус в зале. С какими-то дружками, подружками.

Мы покинули кабинет.

А когда попрощались, он сказал:

– Я на вечеринку пригласил Виолетту Вишневскую, – и взгляделся в меня хитрыми глазами. – Решил: тратить так тратить.

– На какую вечеринку?

– На нашу «Русскую вечеринку», в воскресенье.

Я сделал недоверчивое лицо:

– Ты серьезно?

– Ага. Пусть нам споет. Людям понравится. Ты приходи обязательно. У меня разговор к тебе есть. Ладно, на связи.

Все-таки мне придется побывать на концерте певицы, упорно смотревшей на меня с плакатов последнее время.

* * *

Администратор вновь встретил меня приятным, услужливым взглядом, когда я вошел в зал.

– Прошу.

Темно. Громко. Разноцветные зайчики по стенам.

Людей немного. В основном завсегдатаи.

Я быстро отыскал глазами Сереню в привычном ВИП-ложе.

Ему 28 лет. Он друг Марка, поэтому мы и знакомы и поэтому же он отсюда почти не вылезает – большие скидки на всё. Сын судьи. Работает помощником другого судьи и ждет возможности повторить путь отца и надеть мантию. С трудом представляю правосудие в руках этого безграмотного болвана, до сих пор берущего у родителей немалые карманные деньги, потому что своей маленькой зарплаты ему в принципе не может хватать на ведомый им образ жизни, и тратящего их на тусовки, понты и легкие наркотики. Зато он веселый.

– О, Эдвин! – заметил меня мой друг.

Рядом с ним сидели три необыкновенно гламурные дамы. И еще два каких-то обсоска.

Манеру выходить в свет в обществе двух-трех пристегнутых к себе моделей разных мастей он перенял у меня. А брать с собой еще каких-то придурков – это уже чисто его новшество.

– Добрый вечер, – окинул я взглядом женщин. Отрепетированные улыбки в ответ. – Привет, человек! – пожал Сереге руку. – Как ты?

– Отлично. Да, девчонки? – он обнял двух подружек за плечи и прижал к себе. – Вот, знакомься. Это Китти, – поцеловал в щеку правую: блондинка, великолепно уложенные назад волосы, большие светлые глаза, обтягивающее желтенькое платье и блестящие руки.

Я ее захотел.

Вот прямо ярко представил, как я возвожу вверх ее ноги, стягиваю с нее наверняка тоже желтые трусы, оставляя их висеть, словно парус, между лодыжками, и быстро жарю на этом столике, наблюдая, как она удивленно меня разглядывает и получает неожиданно для себя сильное наслаждение.

– Это Мальвина, – Сереня махнул головой влево.

Девушка сидела с приоткрытым ртом, в черной шляпе, из-под которой свисали стильные перья темных волос, и медленно водила языком по нижней губе. А это охренеть как зрелищно! Пухлые щечки в блестках, развратно голубые глаза, пирсинг в носу, дорогие белые ногти, узорные чулки на длинных ногах, закинутых одна на другую.

Я ее захотел.

Бросил бы вниз животом поверх еще не пришедшей в себя и нежащейся на столике Китти, разорвал бы красные кружевные – да, хочу, чтобы на ней сейчас были именно такие, – трусики и долбил бы яростно сзади, сбивая с нее своими рывками ее модную шляпу.

– А почему Маль...

– Раньше у меня были синие волосы, – сразу перебила меня она.

– Волосы выпали, а имя осталось, так? – улыбнулся я.

– Так, так.

– Я бы отдал полцарства, чтобы увидеть вас с синими волосами.

Мальвина сделала довольное лицо.

– Полцарства? – пропела она. – Нет, хочу всё царство целиком.

Да я расколю тебя пополам, пока ты будешь отрабатывать только первый кирпич.

– А меня что, никто не представит? – загадочно сказала третья девица. – Я Лиза, – она протянула мне руку. То ли чтоб пожал, то ли чтоб поцеловал.

Кажется, она была уже изрядно пьяна. Метровые темно-каштановые волосы. Обильно наложенные на глаза тени. Загорелая кожа. И самые большие – за столиком – сиськи. Просто роскошная соска.

Я захотел их троих одновременно. Захотел сложить все их жопы друг на друга бутербродом и играть в обезумевший светфор.

Интересно, Серене это удастся? Или их кружок основан на каких-то иных принципах?

Я взял Лизу за пальцы снизу, нежно накрыл их другой рукой и произнес:

– Очень приятно. Эдуард. – После чего посмотрел в глаза каждой из барышень, прочитав в них радость у Лизы, интерес у Мальвины и что-то похожее на уважение у Китти.

– А это Сэм и Никитка, – завершил процесс Серега.

– Привет.

Два укурюша в разноцветных майках сосали кальян, разглядывали что-то в планшете и не подавали серьезных признаков жизни.

Я сел рядом с Лизой, ее голыми плечами, рвущимся наружу бюстом, широкими бедрами и светящимися коленками. Всё это старательно упаковано в нарядное Гуччи-муччи. Ее даже раздевать необязательно. Лучше выпороть вот в этом модном прикиде, не портя такой эффектный, умело созданный ею образ.

– Как сам? – Серега вынул лицо из волос Китти.

– Нормально.

– Из офиса едешь?

Он принялся заливать виски в молниеносно принесенный официантом для меня бокал. Я детальнее рассматривал его сексапильных спутниц.

А может, он просвещен? Ведь он сплетничает там у себя на работе, в коридорах правосудия, в интеллигентном обществе. Спрошу.

– Слушай, Серафим, ты же в курсе всех движений в городе, скажи, ты слышал, кто такой Венгров?

– Венгров? – мой друг прищурил один глаз. – Не, не знаю. А че за гусь?

– Профессор какой-то. Лекции читает...

Слово «лекция» мигом сняло с Серегоного лица интерес к этой теме.

– Не, братан, я в такие вещи не вникаю, – он поднял бокал. – Давай.

Мы проглотили.

– Офисная работа – скучотища та еще, – затаила Мальвина, посверкивая камешком в носике. – Или вы директор? – и ухмыльнулась по-доброму.

– Да, вы правы, офис – тоска редкостная, – подтвердил я. – И да, вы правы, я директор.

– И чем же вы занимаетесь? – подключилась Лиза. Ну и сиськи!

– Инвестициями.

– Ой, это интересно, – продолжила моя грудастая соседка. – А во что вы вкладываете свои инвестиции?

В тебя бы я вложил кое-что свое. А что? Лови правду.

– В вас бы я с радостью вложил. – И тупо оскалился.

– Ха-ха-ха, – заржала моя собеседница. – А хватит ли у вас инвестиций?

Кокетка-любительница?

– Натурой рассчитаюсь... у меня конь есть.

Сергея принялся снова заправлять вискарь всем в бокалы.

– Наш Эдгар открывает рестораны, – выложил он. – Очень успешный инвестор, между прочим.

– Правда? – удивилась Китти, в девичестве, наверное, Катя. – Какие рестораны вы открыли? Вдруг я о них слышала.

– Конечно, слышала, – крикнул Сереня. – «Рокко», «Ибица», «Бездна»...

– Так это ж ночной клуб.

– Ночной, ночной, – подтвердил мой друг сомнения своей подруги. – А еще «Скарлетт»... и как еще тот?.. возле театра, не помню... А про «Сан-Марко» слышала?

– Этот? – Китти вытянула шею. А Мальвина и Лиза округлили глаза.

– Вот то-то же, – буркнул Серега. – Я все назвал? – И глянул на меня.

– Нет, – равнодушно бросил я.

Колено Лизы коснулось моего. Хочу ее первой. Она будет наверху моей шестиногой елки.

– Так вы, как Марк, тоже хозяин здесь? – задала она принципиальный сейчас для нее вопрос.

– Я совладелец всех заведений, в которые инвестировал.

– О, да у вас талант! – воскликнула Китти. – Здесь всё очень стильно. Да и все места, что Сережа назвал, прям классные. Мои любимые.

– Обманщик, – вдруг проныла Мальвина, глядя на меня. – Ты сказал, что работа скучная.

Она сделала обиженное лицо, оправдывающее и гармонично перелистывающее тот факт, что она перешла на «ты». Да мне вообще плевать, «выкать» или «тыкать»! Я могу тебя трахать и говорить: «Дорогая Мальвина Батьковна, будьте любезны, не считите за труд, пожалуйста, поднимите жопу повыше. Благодарю».

– Сама обманщица, – отбил я, дождался ее возмущенного взгляда и проворчал: – Зовешься Мальвиной, а волосы не синие.

Давай, покрасней. Пусть я этого в здешнем полумраке и не увижу.

– Не ссорьтесь, – захихикал Серега. – Подняли!

Мы все перечекались и пригубили.

Китти наклонилась слегка вперед и спросила меня:

– А значит, ты тоже придешь сюда на «Русскую вечеринку» в воскресенье? – обозначая, что и она подписывается под переходом на «ты».

– Не знаю. Наверное. Во всяком случае, я всегда в числе приглашенных.

– А нас с Мальвиной ты пригласишь? – надавила бедром на мое бедро мягкая Лиза. – А то намечается загадочная закрытая тусовка, а нам не хочется слушать потом подробности от Китти. Хочется самим всё увидеть.

– Марк сказал, что будет необычное меню, – замурлыкала Китти. – Ты раскроешь секрет?

– Секрет в том, что меню будет очень русское. Не переживай, вес не наберешь.

– Я приду только потому, что здесь будет петь Виолетта Вишневская, – Китти вновь откинулась на спинку дивана, позволив Сереге вползти носом в ее прическу. – Я ее обожаю. Была недавно на ее концерте... Сереж, ну щекотно! – и захихикала, закатив глаза.

– Да, – вынырнул из ее волос мой друг, – потащила меня на концерт, как только вернулись из Европы.

Манеру подцепить где-то новую телку и сразу увозить ее потусить за границу он перенял у меня. А вот впервые укладывать ее в постель уже там, на чужбине, это уже чисто его новшество. Так веселее, утверждал он. Да, он веселый.

– А где ты был? – поинтересовался я.

– В Вале, в Швейцарии. Покуражили чуток, – Сереня с ехидной улыбкой потерся своим картофельным шнобелем об изящно вздернутый носик Китти. – Вот, кстати, гляди, че себе прикупил, – он резко оторвался от подруги, вытянул вперед руку и засветил наручные часы, выпорхнувшие из-под сцепленного запонкой рукава.

Я рассмотрел. Дорогая хрень.

– Че отдал?

– Тридцатку. Да, и теперь никто не скажет, что они не швейцарские, – загоготал он. – Сечешь, сечешь?

– А тебе, Эдуард, нравятся эти часы? – голосом дикой кошки спросила Китти.

– Да, хорошие.

– Это я выбирала. – Мяу.

– А что ж себе ничего не выбрала? – кольнул я.

– Как это не выбрала! – засияла она. – Еще как выбрала. Вот какие мне Сережа подарил, – и подняла кулак, будто демонстрирует размер бицепса.

На ней тикали крупные золотые часы.

Я бросил на моего друга взгляд с сигналом «Неужели заслужила?», на что он мне ответил скользкой улыбкой с сигналом «Заслужила».

– Так это же мужские! – заметил я.

– Да, сейчас модно, чтобы девушка носила мужские часы.

А то, что носить золотые часы так же модно, как золотые зубы, ты еще, видать, не открыла.

– А можно взглянуть на твои? – протянула Лиза.

– Конечно, – я поднял правую кисть.

– О, Vacheron Constantin! – Глаза ее загорелись, а колени разъехались. Девушка в теме. Наверное, читает глянец. А может, даже прошла специальные курсы по мажороведению. – Ты тоже 30 тысяч долларов за них заплатил, да?

– Нет, ну что ты, какие 30 тыщ. Эти обошлись мне в 50.

Я подвинул пустой бокал к Сереге.

– Да, Лизка, – мой друг заправлял вискарь, – у Эдулика есть вкус.

Бедро Лизы задвигалось вверх-вниз, поглаживая мое. Сейчас заведешь меня, и... Пфффф.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась малышка. – Может, ты и мне его привьешь?

Привью, конечно. Не вопрос.

– Могу сегодня, – я схватил бокал и посмотрел на нее искоса.

– Звучит, как хвастовство, – зарядила Лиза и захохотала.

Кокетка-профессионалка?

Снова выпили.

– Не торопитесь, – прокряхтел Серега, смакуя алкогольную горечь. – Сегодня мы отдыхаем. Да, Мальвина?

Девушка извлекла откуда-то сигарету и миленько фыркнула:

– Не люблю часы.

Может, ты просто не понимаешь, что означают стрелки?

Я взял со стола зажигалку, поднес огонь к ней, озарив ее вульгарные заглывающие глаза. Она схватила мою руку обеими ладонями, отчего у меня моментально закипело в паху, и медленно подкурила.

– Я люблю машины, – выпустила дым.

Тоже, небось, окончила гламурные курсы и теперь похлеще седого автослесаря разбирается в моделях, комплектациях и технических характеристиках. А главное – в ценах.

– А у тебя, Эдуард, есть автомобиль или тебя придется подвозить? – продолжила томно верещать Мальвина.

А я продолжил ее хотеть.

Когда увидишь мой космолет, будешь течь так, что можно будет обмыть весь кузов.

– Ты можешь меня подвезти в любом случае.

– Тебя, – она провела языком по нижней губе, – может укачать.

В моем паху задымил.

Всегда обожал этих женщин. Им не надо моего внутреннего мира, им достаточно того, что они видят, могут потрогать и показать другим. Мне от них нужно то же самое.

– Меня качает только от любви.

– А ты в любви знаток? – потянула на себя внимание Лиза.

– Я легко обучаю.

Меня вполне устраивало то, что мой костюм за три штуки зелени, мои колеса и другие аксессуарчики делали всю работу за меня, превращая меня в заевшегося ленивца. Они разговаривали с телками, они их заводили, притаскивали ко мне домой, раздевали, кувыркали, а уже утром провожал их я.

– Так я приглашена на эту вашу «Русскую вечеринку»? – певучим голосом прогальдела Лиза. – Или нужно пройти какой-то тест?

– Нужно иметь доброе русское сердце и крепкий русских дух.

– Так я и коня на скаку, – гордо отозвалась она, – и в горящую избу.

– Звучит, как хвастовство, – вернул я ей ее же монету.

– Если надо доказать, я докажу. Вот проверь меня.

А вот сейчас и проверю.

Я взглянул на нее строго и повелительным голосом произнес:

– Снимай трусы.

Лиза молчала всего секунду. А потом смело объявила:

– А я их не ношу, – и залилась безудержным хохотом.

Кокетка-виртуоз!

Мой взгляд как по команде прыгнул на ее сногшибательные бедра. Сука, ну зачем ты мне это сказала. Теперь это знание будет меня постоянно сверлить. Я медленно поднял глаза. Лиза смотрела на мое довольное, но застывшее лицо. Она весело провизжала:

– Если надо доказать, я докажу. – И немного раздвинула колени.

Наверное, сейчас она добавит свое «Вот проверь меня».

Я одобрительно поджал нижнюю губу.

– Поверю на слово. Считаю, что ты в списке важных гостей.

– Спасибо. Хи-хи.

Серегина рука с полным бокалом вновь потянулась вперед.

– Давайте.

Мы дали.

Лиза поглаживала меня глазками, Мальвина то и дело бросала колкий, страстный взгляд, а Китти что-то шептала на ухо Сереге. Несомненно, спрашивала обо мне.

Алкоголь заполнял русла моего мозга. Но не расслаблял.

Сегодня было наоборот – я словно трезвел.

Может, потому, что сегодня первый день остатка моей жизни?

Да нет, и вспоминать не хочу. Залез же, сука, в голову.

Мне стало как-то не по себе. Неуютно, что ли.

Меня стала раздражать эта бездушность. Этих девушек с обложки. Серегина. Этих двух закуренных полумертвых мудаков.

Но главное – моя.

То, что я их понимаю, что говорю с ними на одном языке, что выгляжу как они, стало мне неприятно, даже противно.

Захотелось еще выпить. Я сам взял графин и стал наливать.

– Куда так помчал, Эдигуль? Напьемся еще.

– Времени нет, – сказал я.

– Хочешь нас покинуть? – проявила интерес Мальвина.

Именно – покинуть! Весь этот гламур. Прямо сейчас.

Я их всех одновременно расхотел.

Стрелка упала на ноль.

– Покинуть? Нет. Ведь мы обязательно встретимся еще. – Я махом осушил бокал.

Сергея не стал пропускать. Девушки тоскливо смотрели, как я поднимаюсь с места. Два укуривших сосали кальян и не подавали серьезных признаков жизни.

Адъёс, суки.

– Давай, на связи.

– На связи. Не пропадай надолго.

Прочь!.. Прочь от вонючего дыма. От тупой грохочущей музыки. От мелькающих повсюду и слепящих разноцветных бликов. От натянутого атмосферного мрака. От мрака, прокравшегося куда-то внутрь меня. Прочь!

4

Выйдя на улицу, я глубоко вдохнул.

Майский воздух. Потрясающе. Освобождение.

Я словно выбрался из давки толпы бомжей, которые облапали мой костюм и засрали уши диким блеянием с единственным намерением – хоть что-то от меня урвать. И наконец оставил весь этот сброд там, за высоким забором.

Еще недавно я хотел отмыться от профессорской лекции, теперь же хотел отмыться от этой тусовки. Намылюсь два раза.

Я бросил прощальный взор на неоновую вывеску «Сан-Марко». Раньше я сбегал от всего и прятался здесь, или в другом клубе. А сегодня я сбегая отсюда. И не знаю, где спрятаться.

Я сел в автомобиль, выехал на дорогу, сделал музыку тише, отключил климат-контроль, открыл окна и неспешно покати под невнятные голоса улиц.

Спиртотерапия сегодня не помогла. Сегодня, в первый хренедельник остатка моей жизни, в первый раз алкоголь не справился со своей важной задачей.

И что мне теперь, не пить?! А может, мне и не тусить в клубах? Зачем же я их понатыкал по всему городу? А может, мне теперь еще и в тренажерный зал походить и мучить там себя, чтобы доказывать таким тупым способом себе и всем, что я настоящий мужик, и чтобы еще больше нравиться телкам, которые и так до безумия рады, если у них появляюсь я? А может, мне и уроки игры на аккордеоне брать? А? Скажи мне, профессор Венгров А.Ф. Какие затоптанные росточки моей души мне надо полоть и поливать? А?! Ответь мне, профессор Венгров «А», сука, «Эф»!

Нет уж! Занятия йогой и курсы по вязанию крестиком меня ничуть не интересуют. А то, что интересует, у меня есть. Да, у меня есть всё. И это всё приобрел я сам, своими руками и мозгами. Если мне вдруг что-то понравится, я получу и это.

Однако в чем, пожалуй, прав этот шумоголовый профессор, так это в том, что мне, возможно, действительно в последнее время не доставляет удовольствия работа. Хотя я всегда обожал ощущение каждого нового заработанного рубля или мешка рублей. Кормить свою копилку – моя большая и единственная любовь. Именно это сильное и глубокое чувство и помогло наполнять и приумножать мои кошельки. Я давно понял, что, чтобы стать богатым, ты должен иметь только одно хобби – зарабатывать. Ты должен этого не просто хотеть, а быть этим увлеченным. Получать кайф от каждого придуманного и исполненного маневра, от достижения поставленной цели – извлечения очередной прибыли. Я не позволял деньгам лежать зашитыми в матрас мертвым грузом: я искал поле для их посадки и последующего всхода плодов и направлял средства туда. Каждую неудачу я переносил болезненно, но не останавливался, а воспринимал потерю как обретение необходимого опыта, и он приходил. Я долго был скупым по отношению к себе. Я во многом себе отказывал, лишь бы увеличить свое состояние. Растущие цифры моих банковских счетов грели меня лучше женщин в постелях, давали мне ощущение могущества.

В какой-то момент денег стало так много, что мне пришлось научиться их грамотно прятать. От всех. Врагов хватает. Если у тебя есть деньги, всегда найдутся и желающие их забрать. Я стал тратить 10% дохода на безопасность, хотя порой думаю, что тратить нужно 50%. Безопасность – это дележка с властью имущими. Ведение с чиновниками дружбы – важная часть бизнеса. Хотя мне известно, что эти отношения хрупкие, как шоколадная глазурь эскиммо летом. Поэтому налаживал контакты сразу на нескольких уровнях иерархии государственных деятелей. Самое удивительное, что я обнаружил вопреки своим ожиданиям, – это то, что, намереваясь решить какой-то вопрос через высокие должности, я порой получал вежливый отказ со ссылкой на то, что исполнение моей просьбы привлечет много излишнего внима-

ния со стороны еще более вышестоящих или иных контролирующих органов и в конце концов будет обнаружено как незаконное и пресечено. Однако потом этот же самый вопрос решался мной через нижайшие звенья, через тех, кто непосредственно касается рычагов и фактически должен исполнять лишь ниспосланную волю большого руководства. Их еще называют маленькими царями. Они умеют сделать всё аккуратно и неприметно. И естественно, это обходилось мне значительно дешевле.

Когда я решил наконец не только зарабатывать, но и тратить, первое, куда пошли средства, – это путешествия по миру. Сначала было здорово. Пирамиды, Эйфелева башня, Статуя Свободы, Малхолланд Драйв, Ибица, Дубай, Венеция – после посещения которой я и придумал название для клуба «Сан-Марко». Но потом я с удивлением обнаружил, что созерцание воочию всех красот мира и достопримечательностей приносит мне эмоции не намного насыщеннее, чем просмотр картинок с ними или видео по телевизору. То же самое и с экзотическими пляжами мирового океана – немногим веселее, чем плескание в какой-нибудь геленджикской бухте или городском пруду. Вода везде мокрая. Путешествие – это не мой кайф. Под мой строй психики это не работает как наслаждение. Теперь в основном я ищу и нахожу радости в городе, в котором живу, – в моем самом любимом городе на планете.

А что же мой личный фетиш? Секс? Пожалуй, да. Совершенно точно – да! Секс – это лучшее удовольствие, которое я смог для себя обнаружить в этой жизни. И я стараюсь постоянно окружать себя женщинами и выжимать из них всё самое вкусное.

Правда, секс – это то удовольствие, которое доступно в равной степени и богатым, и бедным. Даже нищелюбы сношают на свалках своих убогих спутниц. И получают от этого, я уверен, не меньше радости, чем я, заберись я хоть на Мисс Россия сего года. Но бомжихи меня не возбуждают, и приходится вкладываться в досуг с женщинами, которые вкладываются в свою внешность, так чтобы я вкладывался в досуг с ними. Вот поэтому я и стал прибархляться. И думаю, у меня в этом талант.

Но сегодня...

На какую-то мою точку все-таки нажал странный босой человек. И посеял во мне мысль, что необязательно ехать без оглядки по дороге, давно уже не петляющей и превратившейся из узкой, грязной и раздолбанной в широкую, асфальтированную магистраль. Потому что ты знаешь, куда приедешь через час, а куда – через два. И затем не появится никаких новых маршрутов, кроме как ехать дальше. До следующего поста. И потом до следующего. И потом... А может, стоит ненадолго остановиться. Оглянуться. Вдруг, не отрывая глаза от дороги и от вожаемого горизонта впереди, ты упускаешь нечто важное. Может, в тишине, без надоевшей суеты, ты увидишь что-то... что-то свое.

С этой мыслью я почувствовал непонятный пока привкус... свободы.

Это ощущение нельзя купить.

Я ехал с открытыми окнами.

Ехал, слушая простые, но сегодня почему-то умиротворяющие звуки города.

Ехал до тех пор, пока около светофора не почувствовал удар сзади.

Вот это ощущение куда хуже.

Как же так?! Ведь было так приятно, мило и спокойно.

В зеркале я увидел автомобиль, теперь неудачно встроенный в мой.

Я вышел из машины. К заднему бамперу присосался старенький «опель». Через лобовое стекло которого виднелась девица с перепуганным широким лицом, вцепившаяся двумя руками в руль.

Я стал осматривать повреждения. Бампер она вмяла основательно. Дура тупая. Хрена ты сидишь, не выходишь? Давай встряхивайся на улицу!

Я помахал ей рукой, приглашая на свежий воздух.

Наконец она медленно вылезла из своей консервной банки. Полноватая невысокая девушка лет двадцати двух, в очках и с собранными в короткий хвост волосами.

– Здрасьте, – робко произнесла она и нерешительно подошла ближе, чтобы посмотреть на то говно, которое она мне причинила, овца.

– Здорово, здорово! Ты что там, линзы, что ли, протирала в этот момент? Или уснула?

– Я... я... мне... – мямлила она, трогая дужку очков, – нет... я просто...

Понятно, понятно, просто всё, просто – овца ты, вот и всё, что тут сложного!

– Простите, пожалуйста.

Да засунь себе свое «простите» куда-нибудь поглубже.

– У меня нет страховки, – ныла девчонка.

Ну вот, теперь еще и эта новость.

А дочери, жены и любовницы олигархов на таких дряхлых телегах не ездят. Другим же ремонт бампера моего железного корабля на колесах не по средствам.

А вдруг она химичка, оборудовавшая дома нарколабораторию!

– Ты работаешь?

– Да, я продавец в супермаркете.

Ну вот и всё. Это финиш.

– Могу отдавать из зарплаты.

Я поднял руку, выставив перед ней вертикально ладонь, показывая ей заткнуться и не нести чушь, сыпля мне соль на гениталии.

Что ты там будешь отдавать, монетки из оставленной сдачи?

– Что, очень дорого, да? – с дрожью в голосе произнесла она.

Я молчаливо покивал, продолжая смотреть не на нее, а на разбитый бампер, переваривая произошедшее.

– А что... а что же делать тогда? – лепетала она сквозь ком в горле.

Что делать, что делать! Водить надо осторожно! Овца!

– Снимай трусы, – рявкнул я.

Она оцепенела.

Ее глазенки нервно задергались за очками, фокусируясь то на моем правом глазе, то на левом, ища хоть где-нибудь спасения от такой постыдной участи.

– Я... – вырвалось у нее какое-то кряхтение.

И тут же ее лицо трагично искривилось. Из-под очков по щекам понеслись слезы. Обычные мокрые слезы, а не нефть, которую можно было бы продать и оплатить ремонт.

– Угху, угху, – хрипела она.

Может, она плачет от неверия в собственное счастье? Наконец-то трахнет кто-то.

Ты права, дуреха, не могло тебе так повезти.

– Ну всё, всё, – я подошел и обнял ее. – Я пошутил. Это же шутка такая. Конечно, шутка. Ну что ты. Успокойся. Успокойся.

Нет, мне не стало ее жалко. Может, я слегка переборщил насчет трусов, но это нестрашно, она это заслужила, будет повнимательнее в следующий раз. Однако и мой автомобиль я тоже не жалел.

В этот момент я почувствовал, что внутри, и даже не где-то глубоко, мне абсолютно плевать на повреждение машины.

Железо. Всего лишь железо.

Никакая это не скорость. Никакой это не престиж. Никак это меня не дополняет. И ничего обо мне не говорит.

Случись это вчера, я бы расстроился минимум на неделю. Я бы, возможно, не сдержался и так наорал на эту дуру, что у нее очки б треснули.

Но сегодня... Сегодня – это уже сегодня. Первый день остатка моей жизни.

– Ладно, ладно, ерунда, – спокойно говорил я ей почти в ухо, – не переживай, это ерунда, забыли, не было ничего.

Еще пара всхлипов. И я ее отпустил.

Не бросая взгляда на место удара, я направился к двери.

– А... а... гаишников не будем вызывать? – догнал меня ее неуверенный голос.

Не имея я одного ламинированного документа, я бы не рисковал вызывать полицию, потому что, как оказалось бы при официальной проверке, я управлял автомобилем, имея некоторую запрещенную долю алкоголя в крови, удачно приобретенную недавно в клубе «Сан-Марко». И это однозначно повлияло бы на исход разбирательства нашего дорожно-транспортного происшествия. Но такой успокаивающий документ у меня был. Это удостоверение общественного советника ГИБДД. При дорожной полиции имеется организация, куда входят представители общественности, перед которыми органы власти периодически отчитываются о результатах своей работы и учитывают их предложения и мнения. Всё это, конечно, формально, реально даже ни одного собрания не было. Но все общественные советники не подвергаются наказанию, и им оказывается всяческая поддержка и содействие со стороны ГИБДД – негласное, но обязательное к беспрекословному исполнению указание их начальника. А членство в этом совете обходится мне в 3000 долларов ежегодно. Оно того стоит. Зато я не переживаю, если не замечу какой-нибудь дорожный знак, не говоря уже об употреблении алкоголя. Поэтому вызывать или не вызывать гаишников мне в моем положении не так важно. Всё равно по бумагам я буду абсолютно трезв.

Я взялся за ручку водительской двери, кинул на зареванную девчущку снисходительный взгляд и с добротой в голосе произнес:

– Сказал же, забыли. Будь аккуратнее.

Я поехал.

Мои окна открыты. Мои глаза открыты. Мое сердце открыто.

Майский воздух. Он прекрасен.

5

Худой консьерж в черных брюках и белой рубашке вскочил со своего вращающегося кресла перед монитором, едва я вошел в холл первого этажа высотки, где я живу.

– Не спишь? – бросил я сам не знаю для чего. Просто чтобы не проходить мимо него молча. И дать ему иллюзию, что его существование для кого-то что-то значит.

– Нет, нет, Эдуард Валентинович, я как раз просматривал камеры.

– И что там сегодня интересного?

Я подошел к лифту и нажал кнопку вызова.

– Интересного? Кажется, вы не очень удачно прокатились сегодня? – заметил он. – Вмятина на бампере появилась. Сами не ушиблись?

Двери лифта открылись, и я вошел в кабину.

– Если тебя не затруднит, – отозвался я, – сотри кровь с кузова, а если приедет полиция, скажи, что меня нет.

Черный юмор на ночь.

Я нажал кнопку пентхауса – шестнадцатый этаж. И тут же консьерж вскинул вверх руку, словно вспомнил что-то важное, и скороговоркой пробормотал:

– Ваша гостья ждет вас на этаже в фойе.

Он скрылся за закрывшимися дверями лифта. Я понесся вверх.

Гостья – это Марго.

На часах начало первого. Значит, она здесь не так давно.

Я был приятно удивлен, что в «Романтизе» предложили такую необычную даму.

А сам «Романтиз» я открыл для себя всего три месяца назад. До этого, если я хотел поиметь красивую нафуфыренную телку, то обращался к администраторам открытых мной ночных клубов, знавших, как найти то, что мне нужно. Это были действительно искусно намарфеченные, стильно постриженные и сексуально одетые телки, осознавшие себя как дорогой товар для плотских утех. Ночь с такой дивой обходилась мне от 500 до 2000 долларов. И сначала это было здорово: они были охрененно прекрасны и аппетитны, вели себя услужливо, но с видом знания себе цены и трахались с постановочным старанием, чтобы было приятно моему телу, и слуху, и глазу.

Однако в какой-то момент, когда кто-то из окружения равнодушно поделился, что тоже неоднократно сношал двух-трех особ из верхних строчек моего списка обожания, да еще и в более извращенных формах, чем я, мне расхотелось заниматься сексом с такими изрешеченными дамами, в которых кто только ни побывал.

Снимать телок в тех же клубах и приходить к ним получалось достаточно успешно. Но не всегда в них гостили те, кого я хотел. И не всегда те, кого я хотел, соглашались в ту же ночь.

Вступать же в продолжительные ухаживания или полноценные отношения я уже не желал. Мне сложно далась игра в любовь с моей последней на сегодняшний день девушкой. Вначале всё было идеально: она необыкновенно красива и сексуальна, мне нравилось выходить с ней в свет и демонстрировать ее друзьям, да и вообще всем окружающим, я любил оказывать ей различные знаки внимания и делать сумасшедшие подарки, нравилось тусоваться с ней везде и трахать во все ее прекрасные щели, нравилось ее любвеобильное отношение ко мне и даже верилось, что оно искреннее. Но это было не так. На девятом месяце наших страстных отношений я стал чувствовать, что больше не могу терпеть ее неудержимое увлечение своей карьерой, для роста которой требовалось ставшее неприемлемым для меня количество ее свободного времени. Свободного фактически от меня. Меня всё это бесило, надоело, и было принято решение, что нам нужно расстаться. Решение было принято мной, но услышав его, она объявила, что это она меня бросает, потому что я любящий только себя эгоист, нежелающий

видеть ее счастливой, самореализовавшейся личностью, стремящийся превратить ее в облезлую домработницу... Ой, да пошла ты!

Это было полгода назад.

С тех пор я отказался от каких-либо постоянных отношений. И сразу же обрел покой. Если у тебя нет девушки, то тебе и не надо ее жалеть. Не надо вникать в ее тупые, высосанные из пальца проблемы, которые через несколько дней и ее саму уже никак не трогают. Если у тебя нет девушки, тебе не удастся ее обидеть. И не придется извиняться тогда, когда ты и не виноват. Если у тебя нет девушки, тебе можно без стыда и опаски трахать любых женщин. Вот это, пожалуй, самый приятный плюс.

И однажды я обнаружил существование элитного дома терпимости «Романтиз». Он предлагает эксклюзивных девушек. И слово «эксклюзив» здесь не просто для звонкости. Дело в том, что, кроме тебя, обслуживающая тебя дама больше не имеет клиентов. Ты единственный! Агентство гарантирует, что пока ты заинтересован и продлеваешь контракт на определенную девушку, ее больше никто не может себе позволить ни за какие деньги. Ее больше никому даже не показывают и не предлагают. Это закрытый профиль – пока ты продлеваешь контракт.

Если же она тебе надоест, то только тогда ее смогут пригласить на свидание другие клиенты «Романтиза» и тогда для тебя и всех остальных она станет недоступна на весь период действия нового договора. И еще они гарантируют, что ты у выбранной девицы будешь в принципе единственным партнером. То есть у нее не будет секса в обычной личной жизни. Как они за этим следят, ума не приложу. Моя личная проститутка. Это даже ограничивает ее от ярлыка «шлюхи обыкновенной». Она не опасается быть узнанной на улице или ином общественном месте и почувствовать себя неловко из-за этого. Обнаружение ее аморального рода деятельности практически невозможно. Она как любовница-содержанка, с единственным отличием: все денежные вопросы разрешаются не с ней, а исключительно через агентство. Очень удобно. Отличный сервис.

Как правило, «Романтиз» предлагает фотомоделей. Думаю, у них есть компетентный и вращающийся в модельном бизнесе рекрутер, умеющий договариваться о столь интимных вопросах. Моя милейшая Сонечка именно туда. И я вполне ею доволен до сих пор. Но когда я ради разнообразия обратился в «Романтиз» о включении в мой гарем еще одной наложницы и после просмотра портфолио ряда молоденьких фотомоделей наткнулся на анкету Марго и ее потрясающие картинки, я рассмотрел в ней необыкновенную сексуальную энергию. И не ошибся.

Марго 27 лет. У нее невероятно привлекательные черты лица, карие глаза, широкие скулы, темно-русые волосы до плеч, стройное тело и заправленная силиконом грудь пятого размера. А еще она только два месяца как не замужем. Разведена. Детей у нее нет. Вот такие семейные обстоятельства.

И я ее первый клиент. Так же, как и у Сонечки.

Не хочу вникать в моральный облик Марго и в причины того, как она стала на этот путь, мне больше хочется проникать в нее саму.

В общем, я всецело ее принял, как только получил от нее первую дозу жаркого, разъедающего плоть и кости феерического секса.

Ох, Марго.

– Доброй ночи, – она встретила меня с теплой улыбкой, когда я, выйдя из лифта, ступил на этаж и застал ее красиво сидящей на софе в черном платье с блестками.

– Привет. Давно ждешь?

– Не очень.

Она встала и подошла ко мне. Мы приветственно поцеловались в губы. Да, это моя личная жрица любви и я могу себе позволить поцеловать ее в губы.

– Выглядишь просто потрясно, – я открыл входную дверь и наблюдал, как она всплывает в мое жилище. – Марго, ты меня балуешь. Ты можешь приходить ко мне хоть в спортивном костюме и кедах, я всё равно буду хотеть тебя так же сильно.

– Таких мне еще не делали комплиментов. Это мило.

Марго прошла в квартиру и стала оглядываться, будто она здесь впервые. Она делала так каждый раз. Видимо, мой дорогой интерьер затрагивал тонкие струны ее продажной души.

Бросила сумку на кресло гостиной и изящно плюхнулась на диван, вдавив руки в сиденье – позиция ожидания.

Я скинул пиджак и расстегнул рубашку. Подошел к журнальному столику – к заветной початой бутылке виски – и спросил:

– Будешь?

– Угу.

После чего наполнил до середины два бокала. Взял в холодильнике корзину со льдом, набросал кубики, вручил один бокал ей, мы тут же чокнулись, и я сделал глоток.

– Бери это и поднимайся в спальню, – бросил я, – а я быстро в душ.

Марго взяла бутылку и неспешно поплелась по лестнице на второй этаж. Я потопал за ней, наблюдая за ее раскачивающейся прямо перед глазами упругой задницей. Не удержался и шлепнул. Марго кокетливо ойкнула, поощряя мои веселые выходки. В спальне она села на кровать, а я проскользнул в ванную.

Стал под душ. И почувствовал наконец расслабление. Словно от меня отслаивалась толстая чешуйчатая кожа, сформировавшаяся как панцирь, как броня против всего, что мне неприятно. И теперь вместе со всем негативом трескалась и сползала вниз, уходя в сливное отверстие, оставляя меня чистым, как мысли ребенка.

Сегодня первый день остатка вашей жизни... Эдуард.

Сука!

Все-таки это он звучит в моей голове. Долбанный профессор.

Сегодня вы решили, что будете жить по-новому, Эдуард.

Вы оторвались от настоящей жизни, Эдуард, Эдуард, Эдуард...

Да что ты знаешь о настоящей жизни, хренов умник?! Да кто вообще может взять на себя роль мудреца, знающего, что такое настоящая жизнь, и поучать других? У кого жизнь настолько очевидно настоящая, что на фоне нее моя покажется подделкой? Кто поставит клеймо пробы на мою сомнительную жизнь? Чье имя будет на этом клейме?

Всё, хватит. Выпью еще. Выпью еще и напью Марго. Выпью еще, напью Марго и трахну ее.

Я вернулся в спальню голым.

Марго сидела на кровати с отброшенным одеялом в просвечивающемся нижнем белье. Ох, Марго, ты просто роскошная соска! Она с хищным взглядом и бархатистой улыбкой протянула мне бокал. Я забрался коленями поближе к изголовью кровати, прилег спиной на подушку, взял у нее виски и сразу выпил всё. Она сделала короткий глоток. Я пальцами стал толкать вверх дно ее бокала, показывая, что и ей нужно высушить его. Она подчинилась.

Я тут же вновь заправил наши хрустальные сосуды, вылив из бутылки всё до капли. Чокнулся с ней. И вновь втянул в себя порцию. Она медленно пригубила.

– У тебя как будто не очень хорошее настроение, – заметила Марго. – Всё хорошо? Ничего не случилось?

Я молча заглянул в ее темные пыльные глаза. Затем мой взгляд скользнул по ярко-красным губам, по гладкой коже, по двум огромным шарам, изысканно упакованным в полупрозрачный бюстгальтер, позволяющий разглядеть большие ореолы ее сосков, съехал по ровному животу, споткнулся о глубокую ямочку пупка и упал у нее между ног.

– Не молчи, – мяукнула Марго. – Говори со мной. – И вновь пригубила виски.

Мой взор всё еще целился ей между ног.

– Снимай трусы.

Она не стала ничего обдумывать, она принялась исполнять.

Ее трусики полетели на пол, а лифчик остался на месте. Я просил такой дресс-код и в прошлый раз. Так ее груди выглядят просто потрясающе. Сдавленные друг к другу, высокие, с глянцевыми выпирающими округлостями. Марго наверняка думает, что это, возможно, потому, что ее грудь без лифчика низко свисает, но это не так. Не низко. Она прекрасна и без белья. Но в нем ее сиськи меня возбуждают больше. Да и мне плевать, что там думает Марго.

Она забралась на меня и сделала нас единым целым.

Схватила обеими руками за спинку кровати за моей головой и неторопливо на мне закачалась, держа наши лица рядом.

– Ну чего ты такой грустный? – ласково шептала она. – Ты мой красивый. Мой сильный. Мой сексуальный. Сейчас все твои глупые плохие мысли уйдут. Ведь я с тобой. Твоя Марго с тобой.

Я поднял руку и прикоснулся пальцем к ее виску. Нашел там небольшую прядь волос, длиной всего сантиметра четыре. Уже немного отросли.

– Марго...

– Что, что? Говори. Хочешь всю меня постричь? Если хочешь – делай. Делай что хочешь. Я сделаю всё, что ты скажешь.

– Марго, скажи, что такое настоящая жизнь?

Возможно, моя персональная проститутка знает ответы на глобальные вопросы.

– Настоящая жизнь, – пошатывала меня Марго, согревая мое лицо своим теплым дыханием, – это сейчас. Потому что я живу сейчас. Мне сейчас хорошо. Мне сейчас с тобой хорошо. А тебе хорошо со мной? А? Хорошо? Скажи. Хочу, чтобы тебе было хорошо со мной.

Она начала разгоняться. Выпрямилась и завела руки за голову. Ее огромная грудь запрыгала сильнее. Еще немного – и развернется вся мощь ее крепкого тела и беспощадность ее дикого сердца. И тогда она меня оживит.

– А ты зовешь меня так редко, – продолжала лепетать Марго сквозь учащающееся дыхание. – Так редко. А я ведь скучаю. А ты зовешь меня раз в неделю. Мне тебя мало.

Меня ли ей мало или гонораров, не знаю. Ее слова всегда звучат настолько искренне, что я порой даже сомневаюсь.

– Зови меня чаще... Ааах! Зови когда хочешь, я приду... Ааах!

Она заскакала на мне еще яростнее. И кричала невероятно громко. Она орала так, словно падала вниз, выпав из самолета, словно ее раздирали на куски стая голодных волков, словно ее сжигали на инквизиторском костре. Ее оглушительные, сладострастные вопли – моя любимая фишечка в ней.

Кричи, Марго, кричи! Сгори дотла в этом адском пламени. И сожги меня в прах.

6

Утром я проснулся легко. Не как обычно. То ли это заслуга Марго, подарившей мне ночью сумасшедший аттракцион с акробатикой, граничащей с хореографией, с поддразниванием и укрощением голодного хищника, с прыжком сквозь обьятое огнем кольцо и с красочным фейерверком в финале. То ли вчера я действительно избавился от чего-то удушающего и неволящего.

Я проснулся с волнительным ощущением, похожим на чувство интереса. На ожидание новых ярких событий. Даже несмотря на то, что я знал весь свой день до минуты.

Знал, что попрусь по пробкам, слушая в машине один из прогоненных по сотне раз плейлистов. Приду в офис, где меня будут ждать десятки оставленных сообщений от партнеров. Меня вновь порадует своим художественным образом и утренней улыбкой фантастически красивая Дина-секретарша. Поставленная перед моей дверью, только чтобы радовать глаз. И ничего дальше этого. Иначе она надоест и потеряет должность ее мечты. И ряд специалистов, выполняющих иногда полезную, иногда бесполезную работу за приличные деньги.

А еще: дорогуший, но почему-то невкусный кофе, тонны предложений инициативной группы, пара деловых или не особо деловых встреч и пачка бумаг различной важности, поднесенная Диной с таким досточтимым видом и упоением, будто мы здесь спасаем от гибели если и не людей, то как минимум дельфинов.

Но это не разочаровывало меня, как раньше. А представлялось даже немного забавным.

* * *

Видимо, даже Дина каким-то образом почувствовала перезагрузку внутри меня и встретила меня с новой прической – стильно прилизанными волосами с ровным пробором, свисающими в толстую, красиво заплетенную белую косу.

– Доброе утро, Эдуард Валентинович.

Улыбки, которые она мне дарит, настолько ласковые, что мне кажется, что она самый преданный мне человек в этом мире.

– Привет, Динуль. А где же твои шикарные кудряшки?

Моя 23-летняя блондиночка опешила. В ее ярких голубых глазах блеснула детская обиженность. А бордовые губки легонько дернулись от напавшей растерянности. Но всё это не смогло ни на тон омрачить сияние ее светлого лица.

Она уязвленно потянулась рукой к своим волосам, неуверенно коснулась их и тихонько произнесла:

– А вам не нравится? Я решила выпрямить...

– Ну что ты, Динуль! Разве в тебе может что-то не нравиться? Я нарочно не делаю тебе комплиментов, чтобы не надоедать.

И добрейшая улыбка вновь торжествующе сверкнула.

Теперь Дина со счастливым, но немного всё же сомневающимся видом хвастливо поглаживала себя по длинной косе.

Ох, Диночка. Впервые увидев ее, я подумал, что это кукла, – настолько был поражен ее утонченными чертами лица. Ее отполированная кожа словно изготовлена из каучука и окрашена идеально подобранной краской телесного цвета с добавлением секретных дизайнерских оттенков. Ее миленький носик создан, чтобы вдыхать ароматы цветов, а никак не запах моего пота. А губоньки очерчены так, словно они всегда тянутся к поцелую. И к ним всё время хочется тянуться навстречу.

Именно это эстетическое наслаждение красотой Дины, подкрепленное наложенным самим на себя табу на всякие сексуальные поползновения в ее адрес, составляли постоянное удовольствие от ее созерцания.

Ох, Диночка, как же ты хороша!

– Принести вам ваш кофе, Эдуард Валентинович? – она сопровождала меня до моего кабинета и остановилась в дверях.

Я на пижонский манер прыгнул в кресло и забросил ноги на стол.

– Да, только добавь туда что-нибудь вкусенькое.

Изобретательность – не самое развитое достоинство Дины, поэтому я и не ждал от нее необыкновенных идей.

– Сахара побольше?

– Хочу, чтобы еще вкуснее было.

– Может, сливок добавить? Я со сливками пью.

Эх, добавить бы в него еще пару капель твоих сладких слез, вот тогда я бы зарядился.

Зато она ответственно и гарантированно выполнит то, что я ей скажу.

– А знаешь, сделай мне так, как пьешь его ты.

Это вот я здорово сейчас придумал.

– Хорошо, Эдуард Валентинович. Что-нибудь еще?

Я быстро оглядел ее с головы до пят. Худенькая, стройненькая. Грудь небольшая. Талия тонкая. Ножки длинные.

– Пока всё.

И теперь провожал взглядом соблазнительные изгибы ее бедер и выпирающей задницы. Мой неизменный ритуал.

* * *

Я стоял у окна и осматривал город. Давно так не делал. Сегодня это снова стало приятным. Будто меня на пару лет заточили в темницу и теперь вновь возвратили в кабинет на седьмом этаже. И привычный и надоевший пейзаж, с россыпью зданий и подъемных кранов, заиграл новыми красками, вызывая те, первые, забытые эмоции.

– Ваш кофе, Эдуард Валентинович.

Ее лицо было таким довольным, будто она по моему заданию нашла и принесла древний затерянный артефакт, имеющий неизмеримую ценность для мирового культурного наследия, а не вытащила его из кофемашины.

– Надеюсь на твой вкус.

– И я надеюсь, что вам понравится.

Поставила блюдце с кружкой на стол.

Пора начинать совещание.

– Зови всех.

* * *

Стулья, расставленные у стены моего кабинета, заняли девять работников, все мужчины. У каждого из них своя линия в моей предпринимательской деятельности: кто-то занимается действующими ресторанами и ночными клубами, кто-то приискивает новые проекты, кто-то обеспечивает ведение не совсем законных финансовых операций. И еще: каждому сделано строгое внушение о недопустимости любого флирта и подкатов к Дине. Еще этого не хватало!

А кофе действительно отличный. Потом тебя похвалю.

Сегодня мне достаточно было услышать, что текущие проекты не требуют острых вмешательств. Новые месторождения прибыли меня не заботили. Поэтому все усердные доклады на эту тему я слушал с незаинтересованным видом.

Всем спасибо, все свободны.

* * *

– Эдуард Валентинович, к вам на личный прием просится женщина, – сообщила мне по внутреннему телефону Дина.

– Мм! Красивая?

Молчание в трубке.

– Ее фамилия Казанцева, – наконец-то отозвалась она.

– Не слышал о такой.

Новая пауза.

– Так мне ее пропустить к вам?

– А ты ее обыскала?

Юмор – не самое развитое достоинство Дины, поэтому, если шутка озвучена мной по телефону и она не может видеть мою мимику, ей ни за что не понять, говорю я серьезно или нет.

Не стал ждать ее реакции.

– Ладно, пусть войдет, я сам ее обыщу.

– Проходите, – успел услышать я перед тем, как она положила трубку.

Дверь открылась, и в моем кабинете появилась симпатичная женщина лет тридцати, в сером деловом костюме, с закрученными в пучок русыми волосами.

Ну что ей может быть от меня нужно в рабочее время? Только одно.

– Здравствуйте. Можно?

Я тоже поприветствовал ее и пригласил сесть за стол.

Ну давай, цыпа, излагай свою оригинальную идею кафе-мороженого.

– Меня зовут Оксана Казанцева. Я представляла вам проект ресторана и бизнес-план. Мое предложение изучал ваш сотрудник, Лукинов. В итоге он объявил о неготовности вашей компании сделать мне предложение об инвестиции, – с показной печалью проговорила она. – Однако я уверена, что не все детали были рассмотрены внимательно.

– Да-да, я вспомнил – Казанцева, – перебил я. – Лукинов показывал мне ваш проект. К сожалению, он меня не заинтересовал.

Похоже, я сбил ее нападенческий настрой.

– Я пришла сюда, чтобы вас убедить...

– Убеждайте. У вас одна минута.

Она на секунду замерла, но быстро очнулась:

– Концепция ресторана выдержана в том же стиле, что и два ресторана, которые вы открыли: «Скарлетт» и «Бомонд». Примерно такая же ценовая политика. Дизайн будет не похож ни на какой из тех, что можно встретить в городе... даже в стране. Я займусь им сама, у меня соответствующее образование и опыт. Некоторые эскизы мной представлялись вместе со всеми бумагами... но я обязательно сделаю еще несколько оригинальных вариантов.

Пока она излагала свои юношеские мечты, я разглядывал ее внешность. Ее ухоженный деловитый вид возбуждал меня. Иногда я щелкаю телок, мнящих себя бизнес-леди. Я бы с радостью прямо сейчас нырнул с ней под одеяло, если бы не ее наводящие тоску речи. Они задувающим в оконные щели морозным ветром понижали градус моего вожеления.

– Повар из России, очень талантливый, он может представить меню...

– Русской, кавказской, итальянской, французской, японской кухни, и даже все разом, я так понимаю?

Просто пора уже было ее заткнуть.

– Это всё мне ясно, – продолжил я, глядя на ее настороженное лицо. – Но думаю, что все-таки это вам непонятно, насколько «Скарлетт» и «Бомонд» отличаются от того, что вы мне

предлагаете – что-то вроде придорожная столовая «У Оксашечки». Я, конечно, утрирую... но смысл в ином. Главный козырь моих заведений – это элитарность, понимаете?

Я посмотрел на нее как на дуру.

– Фишка кроется в этих неоаристократических ложечках и вилочках, в этой галерее световых приборов, которые войдут в широкую моду только к следующему году. А девушки-официантки «Скарлетт», вы их видели? Тогда вы наверняка заметили художественные надписи и картинки на их лицах, а в их форменных костюмах огромный разрез на всю спину, что даже видно немного... булки.

С лица моей гостьи совершенно исчез энтузиазм. Поэтому я решил не продолжать и устало откинулся на спинку кресла.

– Ну что теперь, перед всеми голышом расхаживать, чтобы они почувствовали себя элитой? – пролепетала она, опустив глаза.

– К сожалению, и это уже давно не оригинально.

Она потянулась рукой к лицу и аккуратно потеряла уголок глаза.

Ой, только не плачь. Этим на бизнес денег не выбить. Разве что в подземном переходе.

– Послушайте, – произнес я, желая ее успокоить. – Я всегда рад встречать целеустремленных людей, так близко принимающих свое дело, свои идеи. Но прошу и мне поверить... ведь вы доверяете моему мнению и опыту, раз уж обратились в нашу компанию и пришли ко мне. Я уверен, что в том виде, какой вы представили, этот ресторан не добьется успеха. Нас с вами затопчут конкуренты. А вы с вашим нежным сердцем будете переживать это на грани нервного срыва, – я улыбнулся.

Какой же я трогательный! Вот просто бери меня пальчиками за щеки и легонько береги. Хотя ведь это не моя работа – успокаивать тех, кому я отказываю в инвестициях. Но, возможно, теперь это будет моим нерегулярным хобби.

Она выдохнула и встала с кресла. Сказала:

– Спасибо, что выслушали, – и двинулась к двери.

Я приготовился изучать форму ее зада.

Но возле двери она остановилась.

– Могу ли я разработать и представить вам новый проект? Сразу вам, а не вашим сотрудникам. Я учла все доводы.

Ну вот опять! Теперь и на жопу нет желания смотреть.

– Едва ли вам удастся меня удивить.

Столкнувшись с моим равнодушием, она буркнула: «До свидания», и скрылась.

Хорошенькая. Жаль, что организация общественного питания – это не ее.

Но сегодня мои мысли были о другой женщине. Куда красивее. Куда умнее. И с куда более редким для меня именем.

7

Вечером, подойдя к машине, я взглянул на плакат, из которого вчера впервые узнал о существовании профессора Венгрова и его нестандартных лекций. И увидел, что рекламы уже нет.

Зато на том же месте уже был вывешен новый баннер с рекламой магазина женского белья «Плауна» от дизайнера Амалии Стекольниковой – жены моего друга и компаньона по ночному клубу Марка. Вернее, ей хотелось думать, что она дизайнер, и лезла из кожи, чтобы убедить в этом всех, настырно тратя на это деньги мужа. Она уверена, что, чтобы быть модельером белья, достаточно просто пролистать множество глянцевого журналов на эту тематику и немного посидеть в интернете, и теперь она – художник со своим уникальным стилем и неповторимым продуктом. Я, может быть, тогда соглашусь, что у нее получается бизнес, когда хоть раз увижу производимое ею белье не только в рекламе, но и на женском теле. А их я штудирую постоянно.

Но не дизайнер Амалия меня порадовала на висащем рекламном баннере, а изображение девушки-модели, являющейся с недавнего времени лицом торговой марки женского белья «Плауна». Она молода и прекрасна, шаловлива и воздушна, мила и сексапильна. Ее имя Софья Филимонова. Но я зову ее Сонечкой. Это моя вторая личная жрица любви из «Романтиза». Именно я посодействовал попаданию ее прелестного личика на этот плакат. Почему бы мне не сделать что-то приятное для моей падшей дамы, помимо того приятного, что она обычно получает от меня в постели?

Такой расписной образ накрашенной и взлохмаченной Сонечки, в кричащем нижнем белье, не оставлял мне никакого иного выбора, кроме как позвонить в «Романтиз» и заказать ее общество к сегодняшнему вискарю. Вот прям соскучился! Значит, она и есть мой путь на сегодня.

Я сел за руль и завел мотор.

Самый обычный вторник. Или, сука, четверг...

Я смотрел на парадный вход в филармонию, где вчера услышал о себе много интересного. Я и еще сто двадцать человек. В двери никто не входил и не выходил.

Ну а вдруг! Попробую.

Я вышел из машины и перебрался через дорогу. Дернул дверь – открыто. Проник внутрь. Пусто. Никого? Услышал какой-то шорох.

– Есть здесь кто?

На мой зов из служебного помещения выскочил уса́тый старичок в кепке. Я поинтересовался у него, что он знает о вчерашней лекции и лекторе Венгрове. Он же «А.Ф.». Он же Профессор. Он же Босой. Он же Чертов Ублюдок.

Смирный мужчина, оказавшийся местным охранником, поведал мне, что ничего не знает, да и вообще, кто я такой и шел бы я отсюда подобру-поздорову, а то он полицию вызовет. Я вручил ему купюру, которую, судя по его мимике, он никогда не держал в руках, но где-то видел, потому что не скрывал своего доверия к такой банкноте, после чего он из потаенных глубин своей памяти выудил, что такая же лекция этого профессора уже проходила в филармонии месяца четыре назад, поэтому, возможно, она еще повторится здесь через такой же период, а еще он то ли слышал, то ли ему приснилось, что лекции проходят примерно раз в месяц или в два месяца и в других городских залах, вот и всё, что он знает, чем богаты, тем и рады.

Ждать несколько месяцев повторения лекции профессора в этой филармонии, где я мог бы вовремя узнать о ней из рекламного плаката, меня не устраивало. Может, в интернете будет

оповещение, но и в этом случае сходка умников произойдет не завтра, а, видимо, через месяц-два.

Как же мне отыскать мою принцессу?

Ну а вдруг! Попробую.

Я поехал туда, где вчера высадил Полину. Припарковался.

Вышел из машины. Не знаю, как я собирался ее найти. Просто ходил. Исследовал дворовые тротуары и площадки. Вглядывался в лица прохожих женщин. Почему-то даже смотрел в окна высотных домов, наверное, думал, что обнаружу ее в одном из них. Что, если тут подождать? Ведь должна же она в это время вернуться с работы. И вообще когда-нибудь вернуться домой. Нет, ребячество. Может, она и не живет здесь. Мало ли зачем ей сюда было надо вчера. Шанс найти одну чудесную девушку, о которой почти ничего не знаешь, в этом городе довольно мал.

Эх, жаль.

Я почувствовал в себе щемящее желание приезжать сюда и караулить Полину хоть каждый день. Это странно. Не похоже на мое обычное стремление заполучить женщину. Мне было приятно о ней думать.

Я вернулся в автомобиль немного расстроенным.

Пора звонить в «Романтиз» и готовиться задать Сонечке добрую трепку.

И тут я услышал стук в окно.

Это Полина.

И это провидение!

– Увидела твою машину. Что ты здесь делаешь?

Приветливость в ее голосе была неподдельной. И еще она обращалась ко мне на «ты», словно эта случайная встреча сделала нас ближе по сравнению со вчерашним знакомством.

Не мог же я ей признаться, что блуждал от подъезда к подъезду, наверняка вызывая подозрения у местных жильцов о криминальности такого интереса, в поиске ее, потерянной мной красавицы, не посчитавшей нужным поделиться своей визиткой.

Я загадочно произнес:

– Мои внутренние силы привели.

Ее улыбка обдала меня теплом, словно я вышел из тени на солнце.

Я пригласил ее выпить кофе. Но она отказалась. Сказала, что ей пора на встречу. Тогда давай завтра! Нет, к сожалению, я завтра тоже занята. Ну дай мне свой номер, я не буду навязчив, буду терпеливо ждать, когда в твоём расписании появится окно. Нет, номер я никому не раскрываю, не обижайся.

Да она непробиваемая! Или я вызываю у нее отталкивающие чувства: сомнение, опасение, неприязнь? Ну вот – уже сбила мою самоуверенность.

– Тогда я хотя бы подвезу тебя на твою встречу. Ведь как таксист я тебя еще не разочаровал?

– Не разочаровал.

Я победоносно помчал открывать перед ней дверь.

В пути Полина рассказала, что едет в тот самый особняк Венгрова. На то самое собрание клуба единомышленников. Она запустила в меня интригующий взгляд из-под пушистого веера своих ресниц и сообщила, что мы можем выпить с ней кофе там.

– А разве мне можно?

– Конечно, ведь ты со мной.

– Там придется ходить босиком?

Она захохотала, потряхивая распушенными черными волосами.

И свет прожекторов заполнил салон моей машины. Пробки слетели с горлышек, и брызги шампанского изверглись бешеными струями. Завопили трубы, и загрохотали пушки. Знаменуя большой праздник во всем королевстве – райский смех принцессы.

– Тапочек должно хватит на всех, – хмыкнула она.

Ну вот – тоже юморить умеешь! Умница.

Чувствуя, как на меня накатывает отторжение предстоящего общества причудливого профессора, я стал осторожно выяснять, как проходят их сборища. Но Полина отвечала уклончиво, словно не хотела открывать неожиданный финал в интересном фильме, который она уже смотрела, чтобы и я смог получить соответствующие эмоции. А вот я как раз не хотел сюрпризов. Они меня почему-то пугали. Поэтому самым лучшим в нашем разговоре стало то, что я смог ее исподтишка порассматривать. На сей раз декольте ее темно-серого с красными полосками платья было значительно шире. И не давало мне покоя. Ведь она, кроме того, как мне показалось, была без бюстгальтера. Пфффф! Как же я ее хочу!

Подытоживая свои комментарии по поводу предстоящего собрания, она уверенно заметила:

– Думаю, ты не будешь разочарован.

Ой, хотелось бы! Потому что очарован я только тобой.

8

Мы подъехали к небольшой гостинице, фасад которой был облицован элитным белым камнем. В центре круглого внутреннего двора – за высокими решетчатыми воротами – действовал фонтан со скульптурой в виде стоящих друг к другу спинами и держащихся за руки трех русалок.

– Это здесь?

– Да, это и есть особняк Венгрова.

– Не может быть, – возразил я, – это отель. Принадлежит Алику.

– Какому Алику? – без особого интереса спросила Полина.

– Тоже... бизнесмену. Я его знаю. И раньше тут еще была большая такая вывеска: «Магнолия».

– Думаю, так и было, но давно уже не так.

На сей раз Полина не торопилась высказывать раньше положенного и послушно дождалась, пока я галантно открыл для нее дверцу. Я на исповедуемый ею королевский манер изящно выволок ее за ручку из машины.

Я чувствовал возбуждение оттого, что вывожу такую прекрасную незнакомку в свет – в свет, который пока для меня самого еще был темным. Но ее компания, ее сексуальная внешность, ее аристократические повадки и не рассеивающаяся загадочность заводили меня до такого уровня увлеченности, который я давно уже не испытывал.

Я оглядывался вокруг: изучал припаркованные во дворе автомобили. Если судить о членах этого клуба по транспорту, на котором они сюда прибыли, то Серегины подружки должны были давать всем прямо в салоне. Конечно, по крутости мой гламурный локомотив выглядел выигрышнее всех, тем более что припарковался я помятым бампером к стене, дабы не портить его солидный образ. Мне, бывало, давали и не доходя до мягких сидений салона автомобиля, а просто в зоне его видимости.

– Готов?

– Знаешь, мне известны две-три здешние машины. Не представлял, что эти люди могут быть тут.

– Ты еще много чего не представлял.

Она миленько шаркала рядом, держа меня под руку.

Охрана на входе: черные костюмы, белые рубашки, суровые лица.

– Добрый вечер, – поздоровалась с ними Полина, – этот человек со мной.

– Добрый вечер, Полина Сергеевна.

Я легонько кивнул им.

Мы прошли по коридору. За нами также заходили люди.

Большой зал с высокими окнами. Занавешенными отдающими дороговизной портьерами сиреневого цвета. В центре стоял прямоугольный аквариум на подставке. Много диванов и кресел. Мраморный пол. Громоздкая люстра с тысячей свечей, как в театрах. Бар. Официанты. Всё для нормальной светской тусовки. Не было похоже на то, что здесь проходили проповеди.

– Выпьешь что-нибудь? – предложила Полина.

– Виски здесь подают? Или тут за здоровый образ жизни? Тогда мне березовый сок, собранный с восточной стороны роши.

Улыбнулась. Приятно.

– Я поухаживаю за тобой. – И она поплыла к бару.

Я стал осматривать других прибывших, пытаясь понять, кто они. Женщин было меньше, чем мужчин. Они, как я понял, в основном составляли пару какому-нибудь важному господину. Среди около шестидесяти гостей я узнал председателя правления одного из крупнейших

банков, ректора университета, главу военного комиссариата и шлюху, с которой он пришел. Я просто не верил, что такое бывает. Что люди с их социальным статусом – все, кроме шлюхи, – посещают такого рода необычные и подозрительные мероприятия. Неужели они настолько внушаемые и ведомые, да еще и потеряли надежду и ищут новый путь. Что вы все хотите здесь услышать? Логика профессора предельно проста: хочешь быть счастливым – живи на озере, рыбачь, пей вино и трахай жену. Сказка о рыбаке и олигархе. Автор – знаменитый русский прозаик А.Ф. Венгров.

Вдруг я увидел мужчину с аккуратно подстриженной черной бородой, уложенными назад гелем волосами и вульгарно торчащими из-под пиджака рукавами белой рубашки.

Эта нахальная морда здесь для меня наиболее родная.

Я сделал два шага в его направлении.

– Алик.

Он обернулся.

– Эдик? – искренняя улыбка. – Привет. И ты тут?

Мы радостно обнялись.

– Привет. Я здесь в первый раз.

– Рад тебя видеть, он несколько раз похлопал меня по плечу. – Ты-то сюда как попал? Я бы сам тебя позвал, просто не думал, что тебе будет это интересно. Хотя, знаешь, я и сам еще недавно был далек от всего этого, – немного задумчиво пробормотал Алик. – Но вот, видишь, вышел на новый уровень.

– Честно сказать, я тут случайно.

– Это отлично, что ты пришел. Тебя это вдохновит.

– Слушай, – я понизил голос, – ну хоть ты мне скажи, куда я попал?

– Я тебя понимаю, – тоже перешел на тихий тон Алик.

Он потянул меня за плечо и отвел на несколько шагов в сторону от скопления гостей.

Неужто мне сейчас наконец раскроют какой-то секрет.

– Я тоже не сразу... Видишь мои пальцы, – он поднял ладони. – Раньше, если помнишь, здесь всегда были три перстня. Стоимостью в дом каждый.

Конечно, помню. Терпеть не могу огромные вычурные печатки, носимые словно символ чуть ли не королевской власти. Да и вообще, я люблю золото только в слитках. Ну и еще, пожалуй, в монетах. Но на Алике, и только на Алике толстые перстни смотрелись органично. Придавали его стилю не столько солидности и знак состоятельности, сколько черты молодого турецкого падишаха, живущего уже 400 лет и нестареющего. Возможно, всё дело в его острой бородке, остром носе, остром взгляде и тупом образе жизни.

– А теперь мои пальцы свободны, – задиристо прохрипел Алик. – Они прекрасны и без золота.

Я пропустил бы мимо ушей тему о свободе конечностей и кучу других слов из явно обновленного лексикона своего друга, но было невыносимо слышать о прекрасности собственных пальцев из уст человека, с которым сотни раз бывал в саунах с крепким алкоголем и мягкими женщинами и видел, что он чрезвычайно далек от красоты. Причем любой. Он издевался над ними в самых извращенных формах и сопровождал это почти всегда диким демоническим хохотом. Нет, это было не веселье, это истерия. Такое удовольствие я понять не в состоянии. Однако именно Алик был в моем окружении первопроходцем и неустанным искателем новых сексуальных удовольствий. Это он не так давно открыл для меня «Романтизм». За что ему низжайший поклон – два-три раза в неделю.

– А теперь ты отдал свои болты в здешний фонд? – усмехнулся я.

Алик всё еще держал на мне сосредоточенный взгляд округленных глаз, не сходявший на протяжении всего его рассказа о красоте. Но теперь они стали щуриться, и он опустил руки.

– Ты думаешь, это секта какая-то? Свидетели коровы какие-нибудь, что ли? Думаешь, здесь разводят лохов, которые отдают в новую семью все свои бабки, дома переписывают? Ты только что назвал меня лохом.

Ну вот, друга обидел.

– Слушай, я не хотел, – попытался я сгладить. – Просто мне сказали, что этот отель теперь не твой. А тут всё так странно. Я чуть запутался.

– Я не в обиде, – буркнул Алик с геройским видом. – Я продал гостиницу Венгрову за нормальные деньги, она была не особо прибыльна. Так мы и познакомились.

– Кто он? И откуда у него нормальные деньги? Со студентов в универе настриг на сессиях, что ли?

– До продажи я интересовался им. Он серьез...

– Ты обо мне не забыл? – появилась Полина.

– Прости, пожалуйста, – оживился я. – Это мой друг Алик. Это Полина.

– Мы знакомы, – сказала она. – Правда, я не знала, что друзья зовут вас Аликом.

– Рад вас снова видеть, – улыбнулся ей мой приятель и шепнул мне: – Теперь ясно, какая случайность тебя сюда привела. Давай. Еще пересечемся.

Он кивнул Полине в знак маленького прощания и двинулся к соседнему кругу гостей. Понаводил тут уже полезных знакомств, видать.

Полина вставила мне в руку бокал с виски и льдом. У нее в руке блестел бокал белого вина.

Мы отошли к стене.

– Так что же здесь будет происходить? – настойчиво поинтересовался я. – Ты меня хоть как-то подготовишь?

Полина сделала серьезное лицо. Приблизилась ко мне. Украдкой направила палец на широкий дверной проем, занавешенный двумя портьерами, и проговорила тихо, словно мы два шпиона на опасном задании:

– Смотри туда. Видишь?

Я настороженно уставился на указанные ею шторы и промычал:

– Угу.

– Сейчас оттуда в зал внесут девственницу, отрежут ей голову, и мы будем ее есть.

– Ты издеваешься, да?

Полина хохотнула.

Да она юморит круче, чем я. Умница.

– Не к чему готовиться. Страшнее, чем вчера в филармонии, уже не будет. Ты что, волнуешься?

– Не стояла бы ты рядом, волновался бы.

– Тогда будь спокоен.

Она протянула вперед руку с бокалом, и мы чокнулись.

Я спросил ее:

– А где сам хозяин?

– Рад вас приветствовать, Эдуард, – голос прозвучал сзади.

Я испуганно обернулся. Венгров. Мать его. Босиком. Мать его.

Этот старик непонятно, сука, почему вселял в меня тревогу.

Оказалось, что мое желание повыбивать ему на хрен зубы никуда не исчезло. Но сейчас необходимо было его спрятать за искусственной приветливостью.

– Добрый вечер, – поздоровался я.

– Здравствуйте, Александр Феликсович, – подхватила Полина. – Я взяла на себя смелость пригласить Эдуарда сегодня к нам. Я была уверена, что вы не будете против.

– Я знал, что вы придете, – Венгров положил руку мне на плечо. – Вы на верном пути. Я вижу в вас огромный потенциал. Знайте, вы всегда мой желанный гость.

– Спасибо, – шепнул я.

Он отошел от нас.

И мое внутреннее напряжение скатилось на пару ступеней вниз. Надо пить. Мне совершенно определенно надо пить. Чтобы не было так дискомфортно от его присутствия и чтобы проще воспринимать... что бы здесь ни происходило дальше.

– Почему он всегда босиком? – Я сделал глоток. Пойло – что надо.

– Он говорит, что это слишком легко понять и самому, и не отвечает.

– Ну и?

– Еще никто не понял. – Полина тоже пригубила вино.

В этот момент я ее хорошо рассмотрел. Редко замечал, чтобы у женщин был красивый нос – настолько красивый, чтобы я это про себя как-то отметил. А у нее он просто идеальный. Глаза искрились томным и ласковым взглядом, и в то же время бесстыжим. Нежность и страсть их голубизны проникали сквозь все слои моего привыкания к лучезарности женских очей. Большой сексуальный рот. Немного выдающиеся пухлые губы гранатового цвета, и гранатового блеска, и гранатовой сочности...

– Ты смотришь на мой рот?

– Что?

– Ты смотришь на мой рот?

Такие неожиданные прямые вопросы выбивают меня из колеи. Тем более если они срываются с таких невероятно чувственных уст.

– Да, – выдавил я. – Кажется, смотрю.

Пусть она знает это наверняка, если сомневается. И пусть знает, что я этого не скрываю и не стыжусь.

Еще глоток алкоголя.

– Друзья! – раздался громкий голос Венгрова.

Всё сборище мгновенно замерло.

Ишь – началось!

– Сегодня прекрасный день, – воскликнул он. – Прекрасный день, чтобы жить. Прекрасный день, чтобы умереть. Прекрасный, чтобы любить. Прекрасный, чтобы помнить... и забывать.

Я глотнул еще виски – он просто обязан мне помочь спокойно всё выдержать.

– Самый прекрасный день для чего бы то ни было... это всегда... сегодня.

Слово «сегодня» одновременно звучно отозвалось в шепоте гостей.

Нормальное тут взаимопонимание. Вот к чему приводят регулярные коллективные репетиции. Скоро они наверняка смогут хором оттарабанить весь профессорский монолог. Со мной бы такая дружность не прошла. Мой предел – это невпопад шевелить губами во время исполнения государственного гимна на торжественных городских мероприятиях, на которых я участвую в качестве спонсора.

– Все вы знаете, что я часто говорю, что сегодня – первый день остатка вашей жизни. И с этого самого дня до последнего вы можете и будете жить в согласии с собой и в единении с природой.

Меня удивляло, что все эти взрослые дяди и тети слушают его, словно он великий пророк современности. Взрослые банкиры, начальники, ректоры, директора и другие не менее достойные хрены.

Ну ладно они, я их не знаю, но Алик? Мой хитрожопый друг Алик. Редкая молодая акула в бизнесе, постепенно переползающая в большую политику. Он-то почему это воспринял так близко? Он не мог повестись на какую-то чушь. Его аналитический ум разбирал каждую

мелочь на детали и рассматривал их под несколькими углами, прежде чем принять какое-либо решение. Даже в пучину своего извращенного досуга он бросался, предварительно всё хорошенько просчитав и проверив. Видимо, его папа – нефтяной олигарх – не только выделил ему необъятный капитал, но и привил навыки его сбережения.

Я взял с подноса блуждающего в толпе официанта еще один бокал, оставив на нем осушенный. Вот с вискарем здесь достойно постарались. Проглатывается словно материнское молоко младенцем. Надеюсь, они не плещут в напитки наркоту, чтобы даже запредельная белиберда смогла записаться прямо на корочку и дарить необъятное счастье от причастности ко всему происходящему. Я слышал про такие секты.

– Друзья, сегодня я хочу рассказать вам о механизме Вселенной.

Так. Куда-то он далеко шагнул. На такой внезапный рывок я точно не рассчитывал. Максимум – до волшебного озера, где отлично ловится рыба. А тут планируется грандиозное межгалактическое путешествие. Не думаю, что у меня получится слушать.

– Я открою вам тайну мироздания.

Ага. Вот это я удачно заглянул. Просто нет слов. Зато есть жидкость в моем бокале. Погнали.

– Сейчас это знание скрыто от вас, поскольку находится за горизонтом вашей парадигмы, то есть за пределами ваших представлений о мире. И как бы вы ни напрягали глаза, вглядываясь вдаль, вы не найдете там ничего не входящего в привычный мир, потому что сначала необходимо изменить взгляд. Сначала надо раздвинуть горизонты.

Да, да, я очень хочу раздвинуть... Мой взор прокатился по соблазнительным ножкам Полины, самозабвенно внимающей красноречивому профессору.

– Приведу пример. Однажды, когда я был школьником, мой учитель геометрии загадал загадку: как собрать из шести спичек четыре одинаковых равносторонних треугольника. Я весь день перекладывал по парте эти шесть спичек, пытаясь найти правильный ответ. Все предлагаемые мной варианты были притянуты за уши, и я это понимал и сам. К своему стыду, тогда я так и не нашел решения самостоятельно. Наконец учитель показал мне, как это сделать. И одновременно с этим расширил горизонты моего разума. Он научил меня мыслить нестандартно. Он сказал, что как бы я ни перекладывал спички, я ни за что не решу эту задачу, гоняя таким образом их по парте, потому что я мыслю не в том измерении – я мыслю в плоскости. А в плоскости выстроить четыре равносторонних треугольника из шести спичек невозможно, однако это возможно сделать в пространстве. И мой учитель построил из спичек обычную пирамиду. Которая состояла из четырех одинаковых равносторонних треугольников.

Профессор добродушно улыбался. Словно раскрыл детишкам секрет карточного фокуса, которым дурачил людей многие годы, зарабатывая себе на этот особняк.

В толпе возникли тихие разговоры, а некоторые гости жестикулировали друг перед другом руками, видимо, обсуждая загадку и демонстрируя воображаемую пирамиду из спичек.

– Сейчас я расширю ваши горизонты! – воскликнул Венгров.

Надеюсь, это не больно. Хотя я уже под действием обезболивающего.

Он вскинул руку вверх, щелкнул пальцем, подзывая официанта, и подошел к аквариуму. Гости образовали плотный круг. Полина вытянула меня в первый ряд.

Только теперь я увидел, что это был аквариум, наполненный водой... и всё! Просто прозрачная вода. Ни одной рыбки. Ни одного камешка. Ни одного специального украшения.

– Посмотрите, пожалуйста, сюда. Представьте, что в этом аквариуме заключена вся Вселенная. Представьте, что вода – это наша Вселенная.

К нему подошел официант с подносом, на котором стоял один пустой бокал.

– Поэтому мы назовем это Универсариум.

Я назову так свой следующий ресторан. И разверну под его маркой сеть по всей Вселенной. От астронавтов не будет отбоя. Пришельцам скидки.

Профессор зачерпнул бокалом воду и поднял его.

– Это – вы, – сказал он, после чего выплеснул воду обратно в аквариум. Затем снова набрал в бокал воды и произнес: – Это – Австралия.

Венгров вновь вылил воду обратно.

Пока что не очень ясно. На лицах гостей было внимание и наслаждение. Словно они смотрели в кинотеатре новый блокбастер с нереальными спецэффектами. Я же отрешенно поглядывал на начальные титры с именами неизвестных актеров. Судя по всему, это будет нудный артхаусный фильм, смысл в котором видит только автор.

Профессор продолжил черпать воду из разных краев аквариума, говорил, что означает новый бокал, и возвращал воду обратно.

– Это – президент. Это – морозы. Это – сахарный диабет. Это – инсулин. Это – пирог. Это – война. Это – дорожные пробки. Это – ваши соседи. Это – свадебное платье. Это – голод. Это – машина Эдуарда...

Венгров хитро посмотрел на меня и улыбнулся. Смотри-ка, и в этот раз про меня не забыл. И про мои колеса. Я сделал доброе лицо в ответ.

– Это – миллиард долларов. Это – землетрясение. Это – ваш телефон. Это – секс. Это – молоко. Это – новогодняя елка. Это – туристический поход с друзьями. Это – любимая телепередача. Это – дружба. Это – экзамен. Это – боль.

До меня потихоньку стали доходить его слова: всё взаимосвязано.

Но мне нужно было разжевывать помельче. И он разжевывал.

– Это – смерть. Это – подарки. Это – солнечное затмение. Это – самолет. Это – предательство. Это – счастье. – Он выплеснул воду в аквариум и на мгновение замолчал.

Но только на мгновение.

– Те из вас, кто посчитал, что я хочу сказать только о том, что всё во Вселенной взаимосвязано, – ошиблись.

Так! Что за хрень? То ли я тупой, то ли он действительно читает мои мысли.

– Слово «взаимосвязано» лишь в некоторой степени уместно.

Снова шустро подбежал официант с подносом и унес бокал, которым профессор безжалостно ковырялся во Вселенной.

– Все мы знаем о многовековом противоборстве доктрин материализма и идеализма. За каждую из них ратовали разные именитые ученые, лихорадочно доказывая свою правоту и несостоятельность противопоставленных мировоззрений.

Что-то всё как-то усложнилось для моего восприятия.

– Но оба этих философских течения порочны! – громко заявил Венгров, деловито вытянув указательный палец вверх. – Каждое из них рисует навигационные карты мира без понимания, что Земля круглая. Они решают задачу в плоскости. Вот взгляните, – он указал рукой на созданную им модель Универсариума. – У этого аквариума, существующего в материальном мире, безусловно, имеются совершенно конкретные длина, ширина и высота. Имеется объем... 50 литров, насколько мне известно. И множество иных информационных характеристик: толщина и состав стекла и так далее. Как, по-вашему, может ли существовать этот аквариум, не имея определенной длины стенки? Не имея ширины либо высоты? Конечно, нет! Это принципиально невозможно. Точно так же, как и просто информация не существует без четко определенного материального носителя. Под информацией мной имеется в виду и наше сознание. Или, если вам угодно, наша душа.

Ух ты, ученый сказал «душа»! Моей как раз немного полегчало. Это наверняка потому, что я целенаправленно проспиртовывал тело, с которым она взаимосвязана.

– Материальное и духовное нельзя исследовать в отдельности. Их нельзя разделять только потому, что одно вы можете потрогать, а другое – обозначить и ощутить в сознании. Слово «взаимосвязано» уместно, но не в должной степени отражает устройство механизма

Вселенной. Я хочу, чтобы вы знали главное – что всё состоит из одного и того же. Материя и душа имеют одну сущность. Из одного может происходить другое – в обоих направлениях.

Я вдруг осознал, что слушаю очень внимательно. Конечно, я не смотрел на него словно на пророка, как некоторые здешние взрослые дяди и тети, но вникал в его речи с внезапно возникшим большим желанием получить это самое новое знание. С таким интересом я не слушал никого. Даже на курсах высокостатусных экономических школ. Которые посещал неизвестно зачем.

– Из одного происходит другое, – повторил профессор. – И не всегда из материального духовное, как может кто-то подумать. Если ваша духовность сильна, то она будет источником возникновения, или, если правильнее, движения материального. Потому что всё мироздание, вся материя, вся информация, в том числе и разум каждого из людей, встроены в единый механизм Вселенной.

Я пытался разобраться с каждым словом.

– Как же работает этот механизм? Я поясню. Всем известно, что воды мирового океана, да, в общем, как и мы с вами, не слетают с поверхности шарообразной, как мы сегодня уже выяснили, Земли из-за закона земного притяжения. Открытого благодаря знаменитой истории с упавшим яблоком. Но знаете ли вы причину морских приливов и отливов?

В рядах гостей зашипело: «луна, луна, луна». Прямо класс отличников. Все всё выучили, все всё знают. Давайте дневники.

– Совершенно верно, – подтвердил Венгров выбрасываемые умниками из толпы догадки. – На воды действует притяжение Луны. Но земная гравитация сильнее лунной, поэтому дальше приливов дело не идет, и океаны не переливаются на наш спутник, и уж тем более нас с вами не вытягивает в открытый космос. Но какова же природа притяжения? А здесь кроется самая суть. Притяжением обладает абсолютно всё на свете. Но разным по силе. Чем предмет больше, тем сильнее его притяжение. И как мной уже упоминалось, но, я уверен, важно это повторить: и материя, и информация состоят из одного и того же – из абсолютной энергии. Поэтому информационная энергия, сознание, душа тоже обладают таким свойством, как притяжение.

После этих звонких слов профессор замолчал и стал пристально смотреть на лица гостей, как бы проталкивая своим взором сказанное им поглубже в умы слушателей и одновременно удостоверяться, что они хорошо усвоили поданный материал.

– Вот, например, – продолжил он с расслабленным видом. – Вы потеряли кошелек с большими деньгами. Затем вы, несомненно, расстроились. То есть потеря денег – это причина, а расстройство – это последствия. Правильно?

В зале появился тихий невнятный гул. Но по выражению лица Венгрова было видно, что он не ждал от кого-то ответа. Он говорил:

– Правильно... Но и неправильно. Потеря кошелька – вот это последствие. Последствие каких-то плохих ощущений, мыслей, эмоций, состояний сознания, которые были до этого. До потери. Именно они стали гравитировать. Именно они дали сигнал во Вселенную, механизм которой привел в движение материальный мир, и в итоге – вы теряете ваш горячо любимый кошелек.

За всё это время я не сделал ни глотка. У меня было чувство, что со мной делятся знанием о сути вещей. Той самой тайной мироздания.

– И что происходит далее? Вы теряете кошелек – что теперь становится причиной вашего последующего расстройства. И уже это вновь возникшее расстройство впоследствии материализуется... и станет источником чего-то плохого, что произойдет с вами. Чего угодно: начиная от потери другого кошелька до пожара в доме.

Полина стояла рядом. Она смотрела на Венгрова, чуть улыбаясь. Иногда на секунду переводила глаза на меня. И я ловил ее взгляды. Я чувствовал, как мое лицо в эти моменты делалось влюбленным. Без усилий с моей стороны.

– Как же порвать этот порочный круг? – профессор сделал озадаченное лицо, но тут же вернул в него спокойствие и уверенность: – Выйдите из круга. Начните развивать позитивные мысли и эмоции. Пусть искусственно. Пусть безосновательно. Но сделайте это. Да, это трудно: чувствуя себя плохо, думать о чем-то радостном и представлять, что вам хорошо. Но вы это можете. Возможности вашего духовного мира ничем не ограничены. Рядом с ним материальный мир – ничто. Как это сделать? Мыслить позитивно нужно начинать с благодарности за то хорошее, что вы имеете. С осмысления великой ценности этого. Заполните себя удовлетворением этим чувством. И уже на этой основе стройте новые положительные векторы мышления.

Старик делал медленные шаги в центре круга. Он старался посмотреть в глаза каждому. Это действительно умный хрен.

– Я всегда говорю и не устаю повторять, что вера важнее всего. Вера ломает все преграды на вашем пути. Вера!.. – воскликнул он, – приведет вас к счастью. В механизме Вселенной вера выступает способом. Это великое по силе средство притяжения к себе созданного в сознании образа желаемого. Именно наши желания возбуждают сигналы во Вселенную. Наши желания и наши страхи. Ведь страхи и пробужденные ими переживания тоже запускают волны притяжения. Поэтому бояться – глупо! Страх только навлекает на вас то, от чего вы так рьяно пытаетесь скрыться. По этой же причине не запечатлевайте ваши желания со словом «не», как, например, «я не хочу заболеть», ведь таким образом в сознании создается вектор, не преобразовывающий эту форму в «я хочу быть здоровым», а исключаящий ту самую частицу «не». Даже люди подсознательно не распознают слова «не», когда получают призыв к действию, а принимают как активное лишь ключевое слово, которое в изначальном смысле фактически отрицается. Так же и со Вселенной. Не будьте *против* чего-то, а будьте *за* что-то. Формулируйте ваши желания конкретнее.

Иногда я бросал взгляд на аквариум, около которого расхаживал профессор. Меня впечатлила эта модель Вселенной. Нужно будет поставить такой Универсариум у меня в кабинете. Но я, пожалуй, все-таки заброшу в него какую-нибудь симпатичную рыбку. Пусть меня радует.

– Чтобы желание счастья гравитировало сильнее и эффективнее, преобразуйте ваши «хочу быть счастливым», «хочу быть богатым», «хочу быть чемпионом» в «я решил быть счастливым» и так далее. Примите внутреннее безоговорочное решение, что вы достигнете поставленной цели. И желайте ее достижения. И стремитесь к ней. И верьте, что достигнете ее.

Венгров остановился. Похоже, он закончил свое выступление. Интересно, зазвучат ли сейчас аплодисменты?

Но вдруг он снова заговорил:

– Представьте человека, который проснулся утром с улыбкой. Он радовался новому дню. Причем без какой-либо особенной причины. Просто был благодарен за то, что имеет, за всё прекрасное, важное, что окружает его в жизни. Он источал добрые мысли и эмоции. Словно предвкушал что-то хорошее. В ответ на голос его души материальный мир изменился вокруг него. И знаете как?

Абсолютная тишина.

– Он нашел ваш кошелек.

Приятный дружеский смех раскатился по залу. Полина мило захихикала и посмотрела на мою улыбку. Вот теперь и ты смотришь на мой рот. Смотри.

– Большинство людей подчиняет свой духовный мир окружающему их материальному миру, – сказал Венгров. – Не делайте этого. Подчините весь окружающий мир вашему духовному... Приятного вечера.

В рядах возникли торопливые разговорчики. Круг неожиданно быстро рассредоточился на небольшие компании по всей площади зала.

Венгров мгновенно растворился в этой толпе.

9

Я поискал глазами профессора, но так и не увидел его. Он куда-то незаметно исчез.

– Тебе понравилось? – спросила Полина.

– Ты себе даже не представляешь как, – ошеломленно выдал я.

– Представляю, – шепнула она и состроила кокетливо глазки.

Кажется, у меня с ней всё наклеивается. Конечно, мне пока не верилось, что когда я отвезу ее домой, она пригласит меня войти и распробовать с ней чашечку чая с печеньками. Но то, что ледяная стена между нами заметно подтаяла, было ощутимо. Я дождусь, когда растопятся эти толщи, и шагну навстречу огромному внутреннему миру и великолепному внешнему оформлению моей принцессы.

Появилась негромкая приятная музыка. Несколько окружных секций люстры погасло, создав уютный полумрак. Никто никуда не расходился. Будто открылась вторая часть тусовки. Диваны и кресла заполнились уставшими стоять. Официанты продолжили усердно блюсти, чтобы никто не был обделен напитками. Все болтали, словно родственники на свадьбе.

Я задержал свой взгляд на одном человеке лет пятидесяти, который, судя по его артистической мимике и активной жестикуляции в беседе, находился в веселом расположении духа и никак не навлекал на себя подозрение, что он большой человек в финансовом мире. А еще он первый и пока единственный «Человек эпохи» по версии именитого журнала «Кардинал». Но ходили слухи, что он и является его тайным основателем.

– Увидел кого-то? – поинтересовалась Полина, заметив, что я глазею на незаурядного гостя.

– Да не то чтобы... Это Соловьев. Председатель правления «ЛотБанка».

– Ты знаешь его?

– Только визуально. Он очень влиятельный чело...

– Хочешь, познакомлю? – снова неожиданный вопрос. В тот момент я и сам не знал, как ответить. И не успел. Она взяла меня за руку и повела.

Соловьев был одет в светло-синий костюм. Две верхние пуговицы белой рубашки были расстегнуты. Теменное облысение было скрыто зачесанными невыпадающими волосами. С его мужественного лица не сходила улыбка, пока он что-то задорно втирал своему собеседнику, словно травил пошлые анекдоты.

– Здравствуйте, Анатолий Васильевич.

– Добрый вечер, Полина, – Соловьев отвлекся от своего слушателя.

– Хочу вам представить моего друга. Это Эдуард. Я оставлю вас ненадолго.

В эту секунду я с опаской бросил безрадостный взгляд на Полину. Пожалуйста, не оставь меня. Пожалуйста, только ненадолго. Я так боюсь тебя потерять. Кажется, она прочла тревогу в моих глазах и успокаивающе моргнула, вспорхнув игривыми ресницами, в знак того, что «Не переживай. Я никуда не денусь. Тебе еще везти меня домой». И она увела с собой соловьевского приятеля.

– Здравствуйте, – я вытянул руку.

– Привет, – бодро и чрезмерно дружелюбно сказал Соловьев. Он был пьян так, как я бы на его месте за руль не сел. – Меня Толик зовут, – крепко пожал мне руку.

Когда бы я раньше мог представить, что самый из самов – Соловьев – будет мне Толиком представляться? Для абсолютного большинства он недостижимая фигура. Им выстроена такая мощная система финансово-кредитных учреждений, которой неважно, есть ли на рынке конкуренты. Он является почетным гражданином города. Лауреатом бесчисленных премий за вклад в развитие бизнеса. И непросыхающим алкашом.

Я скромно произнес:

– Эдик.

– Ты тут в первый раз? Не видел раньше.

– Да. Глубокие мысли я здесь обнаружил.

– Глубокие? – он сделал удивленно-недовольное лицо. – Да это истина из всех истин. Вот когда ты это поймешь, тогда ты... ты... ну не знаю, сесть начнешь, будешь как Венгров, – тут он захохотал смешком анашиста.

Я увел взгляд от него. Посмотрел на часы. Было девять с чем-то.

– Пойми, дружище, – Соловьев обхватил меня рукой за шею. – Бабло – ничто. Всё, что можно потрогать, – ничто, если этого нельзя почувствовать внутри... Внутри-и-и... там, где сладко, – он сделал мечтательное лицо. Потом судорожно причмокнул и вновь повернулся ко мне. – Ты поймешь это, Эдик. Рано или поздно.

Вообще-то, я не люблю, когда меня трогают. Тем более за шею. Если только это не ласковые женские пальцы. Но, словно чего-то боясь, я не стал демонстративно вырываться. Как бы не обидеть человека, к знакомству с которым так долго стремился.

– Думаю, уже начинаю понимать, – сказал я. И вновь посмотрел на часы. Было девять с чем-то. Не получалось сфокусировать взгляд на минутной стрелке. Не до этого. На шее висел пьяный олигарх и что-то втирал.

– Нет, Эдик, дружище, не понимаешь. Еще нет, – Соловьев состроил доброе лицо, как у учителя начальных классов. – Вот ты думаешь, наверное, что я пьян...

– Да нет, что вы!

– Да что нет? Я ведь пьян, – он опять хохотнул. – Но я всё равно мыслю. И мыслю широко. Я сейчас стою и смотрю на тебя и одновременно как бы вижу, словно с потолка, как мы с тобой разговариваем. Теперь понимаешь?

– Вот теперь вы правы – теперь не понимаю.

– Не сразу, Эдик. Не сразу. Узнаю в тебе себя молодого, не видящего ничего дальше своего счета в банке. Заводной был, всё спешил куда-то, как ты сейчас – смотришь на часы, будто торопишься. А ну, покажь котлы!

Он резко схватил меня за кисть – ну хоть с шеи слез. И, прищурившись, поднес мои часы к лицу.

– Классные, – похвалил он. – Ценю вкус. Знаю, знаю я, что ты думаешь.

Еще один мысли читает. Да здесь просто клуб экстрасенсов. Может, и меня научат? В покер играть станет веселее.

– Ты думаешь, купил швейцарское говно за полтос – и ты молодец?

Я не решился сказать что-то в свое оправдание.

Соловьев полез в карман и вытянул оттуда за цепочку карманные часы из драгоценных металлов и камней.

– Ну-ка, зацени.

Мне не нужно было рассматривать их под микроскопом и тут же листать толстые справочники, я и так быстро распознал, что это за вещь, и мог о ней всё детально рассказать.

– Breguet. Серьезный хронограф, – я спокойно отпил виски.

– Знаешь, сколько стоит?

– Больше, чем моя машина.

Соловьев снова весело заржал и еще раз обнял меня, но теперь сильнее – будто армейского друга, которого не видел тридцать лет. Кажется, я ему понравился.

Он распахнул часы.

– Смотри.

Мы вместе уставились на стрелки. Оба молчали. Было девять двадцать три. Наконец я это разглядел.

– Что видишь? – спросил Соловьев.

Я посмотрел внимательнее и сказал:

– Я не уверен, но кажется, у вас подделка.

На сей раз на его взрывной смех обернулись гости. Я гордо заулыбался, довольный тем, как ему заходит мой юмор.

– Эдик, ты меня убьешь сегодня. Эй, стой! – крикнул он официанту. Взял у него с подноса бокал. – О нет, дружище, это не подделка. Поверь мне. Но дело не в этом.

Мы вновь замерли – смотрели на стрелки.

– Теперь, когда я смотрю на часы, я вижу... время. – Он повернул голову ко мне. – Время – самое главное. И ни у тебя, ни у меня его не больше, чем у тех, кто носит пятисотрублевые котлы.

Я смиренно смотрел на него, словно внук, слушающий военные истории деда.

– А это, – покачал часами, – просто железка. И не дает тебе власти над временем. Просто хлам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.